

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотека

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

ВИЛЬГЕЛЬМ
ЛИБКНЕХТ

НИКАКИХ
КОМПРОМИССОВ!

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1958

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ,
В ЧАСТНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ
К РЕЙХСТАГУ

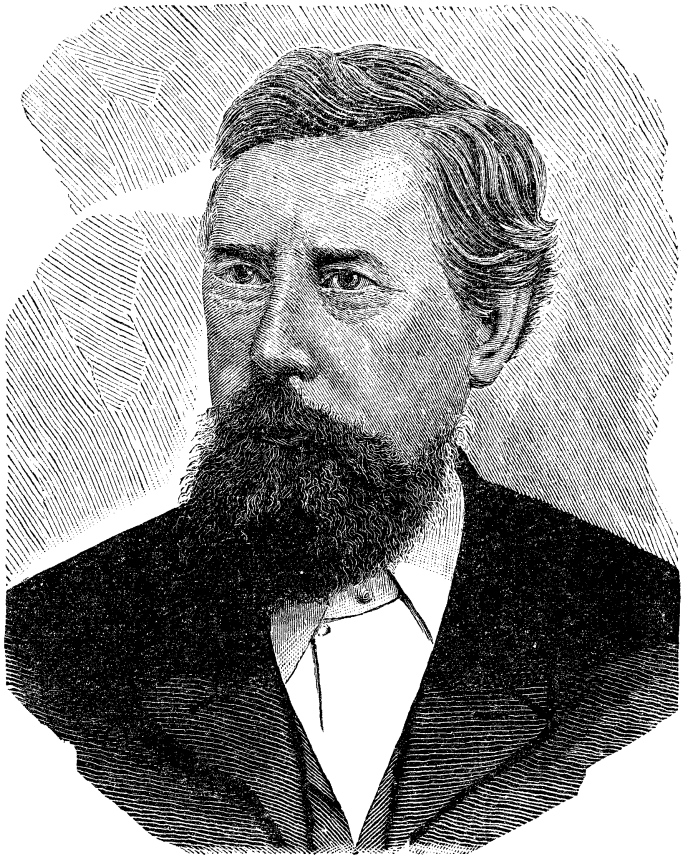

НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ,
НИКАКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ
СОГЛАШЕНИЙ!

ПАУКИ И МУХИ

*Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
Н. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вильгельм Либкнехт, один из основателей германской социал-демократической партии, принадлежит к числу тех вождей рабочего класса, вся жизнь и деятельность которых может служить примером беззаветной революционной борьбы за победу пролетарского дела и торжество социализма.

«Имя Либкнехта,— писал В. И. Ленин,— неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения»*. В течение последних трех десятилетий XIX века В. Либкнехт вместе с А. Бебелем стоял во главе германской социал-демократии. Он был близким другом и соратником великих учителей пролетариата К. Маркса и Ф. Энгельса. Выдающийся пролетарский организатор и пламенный трибун, он до конца своих дней отличался неукротимой энергией и кипучим темпераментом, пользовался заслуженной любовью и авторитетом среди передовых рабочих не только в Германии, но и за ее пределами.

Вильгельм Либкнехт родился в 1826 г. в небольшом городке Гиссене (герцогство Гессен) в семье чиновника. В студенческие годы он познакомился с произведениями социалистов-утопистов, а также с работами «Нищета философии» К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса.

Весть о революции 1848 г. застала его в Швейцарии. Он немедленно направился в революционный Париж. В составе одного из немецких добровольческих отрядов, спешивших на помощь германской революции, он пытался перейти границу Германии, но был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме. Оказавшись на свободе, Либкнехт вновь присоединился к революционерам

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 263.

и с оружием в руках боролся в рядах участников восстания в Бадене в мае 1849 г. После разгрома восстания ему удалось укрыться от преследования в Швейцарии, где и произошло его первое знакомство с Ф. Энгельсом. Вынужденный спустя некоторое время переехать в Лондон, он сблизился там с Марксом и Энгельсом и вскоре под их влиянием воспринял идеи научного социализма. Либкнехт вступил в Союз коммунистов и энергично поддерживал К. Маркса и Ф. Энгельса в борьбе против сектантской раскольнической группы Виллиха-Шаппера.

В 1862 г., после амнистии, Либкнехт вернулся в Германию и целиком посвятил себя делу организации рабочего класса. Вскоре за выступления против Бисмарка он был выслан из Пруссии и поселился в Саксонии. Либкнехт вступил в Саксонский рабочий союз, организованный А. Бебелем, и вместе с ним повел борьбу с учениками и последователями Лассаля, стремившимися подчинить рабочее движение прусскому юнкерскому государству, возглавлявшемуся Бисмарком. В 1869 г. он и Бебель возглавили съезд рабочих организаций в Эйзенахе, на котором была основана социал-демократическая рабочая партия Германии. С тех пор Либкнехт был членом центрального правления партии, а с 1891 по 1900 г. и редактором ее центрального органа — газеты «Форвертс» («Вперед»).

В 1867—1870 гг. он избирался депутатом Северогерманского рейхстага, а в 1874—1878 гг. — депутатом общегерманского рейхстага от социал-демократической партии. Его боевые, пламенные речи, в которых он разоблачал политику реакционных кругов, могут служить примером использования парламентской трибуны для революционной агитации. Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Либкнехт энергично выступал против захватнических планов германского империализма, аннексии Эльзаса и Лотарингии. За это вместе с Бебелем он был привлечен правительством Бисмарка к суду по обвинению в «государственной измене». На процессе в Лейпциге Либкнехт и Бебель смело защищали тактику социал-демократов, разоблачая махинации правительства. «Поздравляем вас всех,— писал ему Энгельс от имени Маркса и от себя,— по поводу вашего выступления перед судом» *.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 237.

Либкнехт активно участвовал в объединении немецких рабочих партий — эйзенахцев и лассальянцев — в 1875 г. на съезде в Готе. Здесь при составлении программы он допустил серьезные ошибки, сделав уступки лассальянцам в ряде принципиальных вопросов революционной теории, за что подвергся резкой критике со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса.

Либкнехт делал ошибки и в первый период действия исключительного закона против социалистов, и накануне I конгресса II Интернационала, и в бытность свою редактором газеты «Форвертс». Но под влиянием критики со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса — подчас весьма суровой — Либкнехт, особенно в решающие моменты, находил правильную революционную марксистскую линию. Под конец своей жизни он самым резким образом осудил ревизионистские выступления Бернштейна, охарактеризовав их как «мусор, который основатели социализма почти два поколения тому назад выбросили вон». Но ему не удалось — как и другим деятелям германской социал-демократии — вскрыть существо оппортунизма, его социальные корни. Эту работу до конца проделал лишь В. И. Ленин.

Либкнехт оставил значительное литературное наследство. Наиболее ценными являются его работы, посвященные обоснованию революционной тактики партии пролетариата. В. И. Ленин внимательно изучал деятельность Либкнехта и Бебеля во время борьбы за объединение Германии, в годы исключительного закона против социалистов и в последующий период. Из всего обширного литературного наследства Либкнехта В. И. Ленин придавал наибольшее значение именно работам, посвященным вопросам тактики. Две из них и составляют основное содержание настоящего выпуска «Библиотечки по научному социализму».

Первая — «О политической позиции социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу» — представляет собой речь, произнесенную Либкнехтом 31 мая 1869 г. на собрании Берлинского рабочего союза. Германия находилась тогда накануне решения своей важнейшей национальной задачи — объединения страны. Объединение Германии могло произойти либо контрреволюционным путем «через прусскую монархию»*, который вел к созданию единой реакционной Германской империи под

* В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 104.

главенством Пруссии, либо революционным, который в результате борьбы народных масс привел бы к образованию единой демократической республики. «...Бebelь и Либкнехт,— писал В. И. Ленин,— последовательно отстаивали демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму»*. Эта борьба нашла свое отражение, в частности, в публикуемой ниже работе.

К 1869 г. был уже сделан серьезный шаг к объединению Германии по контрреволюционному пути. После победы Пруссии в австро-прусской войне, в 1867 г., был создан Северогерманский союз. Но надежды на то, что объединение страны еще может быть достигнуто и другим путем, не были оставлены. Бебель, Либкнехт и их соратники продолжали в Германии борьбу за революционный путь.

В этих условиях Либкнехт, избранный вместе с Бебелем в 1867 г. в состав Северогерманского рейхстага, решительно выступал против каких бы то ни было соглашений с буржуазными партиями в парламенте, против всякой игры в парламентаризм. Либкнехт считал, что такого рода соглашения в тех условиях могли лишь нанести вред борьбе за национальное единство на демократической основе. Он рассматривал участие социалистов в парламенте в тот период исключительно с точки зрения возможности использования трибуны для разоблачения реакционной политики правительственных кругов. В этом он видел одно из условий борьбы за самостоятельную партию германского пролетариата. Главное для него было — сохранить самостоятельность рабочего движения, разоблачать все и всякие пощытки врагов рабочего класса подчинить рабочее движение интересам господствующих классов.

Он ставил перед собой в тот период задачу «разрушить глубоко укоренившиеся предрассудки, сбросить покров святости с всеобщего избирательного права, предоставленного рабочим Конституцией Северогерманского союза, доказать, что эта «конституция»., несмотря на ее якобы демократические украшения, насквозь недемократична и не дает рабочим возможности добиться коренного улучшения своего положения парламентским путем»**.

* В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 265.

** «Der Hochverraths-Prozess wider Liebknecht, Bebel, Hepner...», Berlin 1894, S. 447.

И эта задача была им блестяще выполнена в его речи. Он неопровержимо доказал, что всеобщее избирательное право в таком военно-полицейском государстве, каким была Германия, является по существу лишь орудием в руках реакционных сил.

Либкнехт показал необходимость политической борьбы для рабочего класса и разоблачил демагогические рассуждения Бисмарка и реакционеров о «социализме», рассчитанные на обман трудящихся и отвлечение их от действительной борьбы за свои права.

В. И. Ленин подчеркивал, что только такая «последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта, только их «неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии»*.

В этой речи Либкнехт дал яркую характеристику существа буржуазной демократии. «Буржуазия понимает внутреннюю связь демократии и социализма, она ненавидит демократию», — говорил Либкнехт. Буржуазная демократия — это «играющая в демократизм буржуазия». Эту характеристику было бы весьма полезно напомнить некоторым современным проповедникам «преимущества» буржуазной демократии над демократией социалистической.

Непримиримая позиция Либкнехта по отношению к парламентской деятельности в рейхстаге не оставалась неизменной. Франко-прусская война и образование Германской империи создали совершенно новую обстановку. Объединение Германии было завершено, хотя и контрреволюционным путем. На очередь встала задача объединения сил пролетариата для борьбы за свержение существующего строя. Для выполнения этой задачи, рассчитанной на длительный исторический период, нужна была и новая тактика. И Либкнехт отказался от прежнего отношения к участию в парламенте. «...При настоящих условиях, — писал он несколько позднее, — *парламентская деятельность* доставляет нашей партии такие значительные *преимущества*, что надо быть слепым, чтобы не замечать их!». В. И. Ленин неоднократно отмечал, что такая позиция Либкнехта может служить примером правильной тактики пролетарского революционера.

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 266.

Постоянно используя в своей многогранной политической и теоретической деятельности опыт международного рабочего движения, анализируя и творчески перерабатывая его, В. И. Ленин неоднократно обращался и к опыту германской социал-демократии. В 1906 г., в разгар борьбы с меньшевиками, толкавшими рабочий класс в болото беспринципных соглашений с кадетами, В. И. Ленин написал предисловие к работе Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений», в котором дал ей весьма высокую оценку.

Эта работа, также помещенная в настоящем выпуске, была написана Либкнехтом в 1899 г., незадолго до его смерти. Обстановка в Германии к тому времени значительно изменилась. Социал-демократическая партия, основы которой только закладывались в 1869 г., за тридцать лет стала сильной, влиятельной, многочисленной партией, располагавшей в рейхстаге 56 мандатами. Но эти успехи имели и теневую сторону. Они порождали равнодушие к революционным, внепарламентским формам борьбы, тенденцию к соглашательству и оппортунизму, особенно усиливавшуюся с развитием капитализма и появлением все больших возможностей подкупа буржуазией верхушки пролетариата. В конце 90-х годов эта тенденция становилась все более открытой. Выступления Бернштейна, беззастенчиво пытавшегося вытравить из великого учения Маркса его революционную душу, приспособить его к потребностям буржуазии, положили начало ревизионизму. На практике это выражалось в стремлениях к беспринципным соглашениям и союзам с буржуазными партиями, к участию в парламентских комбинациях с ними; наиболее ярким проявлением этой «практики» было вступление французского социалиста Мильерана в состав реакционного буржуазного правительства. Поводом для написания брошюры Либкнехта явились действия социал-демократической организации в Баварии, заключившей формальное соглашение с тамошней партией центра.

Не отрицая в принципе возможности соглашений социал-демократии с партиями буржуазной оппозиции, Либкнехт посвятил значительную часть своей работы вопросу о том, в каких случаях допустимы и в каких границах возможны подобные соглашения. Прежде всего

Либкнехт считал необходимым определить характер «союзника», с которым возможны соглашения. В Германии, указывал он, «часть радикальной буржуазии идет под социалистическим знаменем, не понимая сущности социализма», и союз с такого рода элементами таит в себе опасность подчинения чуждым влияниям, опасность постепенного отхода от почвы классовой борьбы. Либкнехт считал, что такие «союзники», выступающие под личиной «друзей и сторонников» социализма, могут принести больше вреда, чем прямые и открытые враги, лицо которых ясно каждому рабочему. В. И. Ленин придавал особое значение этому тезису. Развивая его, он писал: «...Сознательность масс не развращают насилия и каторжные законы, — се развращают *лже-друзья* рабочих, либеральные буржуа, *отвлекающие* массы от настоящей борьбы посредством пустых фраз о борьбе» *.

Либкнехт подчеркивал, что для Германии такая опасность была в то время особенно велика, ибо наряду с чисто классовыми задачами перед пролетариатом стояли «задачи, которые в свое время не были выполнены нашей буржуазией».

Поэтому, указывал Либкнехт, нужно подходить крайне осторожно к заключению таких соглашений и компромиссов, решать вопрос о них каждый раз в зависимости от конкретно-исторической обстановки, так, чтобы прежде всего учитывать полезность такого шага для конечных целей пролетариата.

Компромиссы могут быть двоякого рода. Одно дело — использовать в своих интересах борьбу различных партий, идя на какие-то временные соглашения, не беря при этом на себя никаких обязательств, которые заставили бы поступиться принципами революционного пролетариата. Другое дело — соглашение, ведущее к отказу, хотя бы частичному, от своих основных принципов, изменяющее в конечном счете, может быть, и не сразу, соотношение сил в пользу буржуазных партий. Такое соглашение может привести к отступлению от принципа классовой борьбы, а это означало бы гибель пролетарской партии. От понимания этого, писал Либкнехт, «зависит, останемся ли мы социалистической партией или же перейдем в левое крыло буржуазной демократии». В своей работе

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 365.

Либкнехт приводит многочисленные примеры деятельности германской социал-демократии и социалистов некоторых других стран, подтверждающие правильность такой постановки вопроса. Это особенно ценил В. И. Ленин. Либкнехт, — писал он, — «действительно разбирал все вопросы и все шаги тактики не только с точки зрения интересов минуты, а с точки зрения коренных интересов всей революции» *.

Чутьем настоящего революционера, умевшего правильно сочетать легальную и нелегальную работу, Либкнехт понимал опасность оппортунистических течений, переоценивавших значение парламентской деятельности. «Она является не целью, а лишь средством для достижения цели», — говорил он.

Выдающийся практик рабочего движения, Либкнехт занимался не только вопросами тактики. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Он обладал талантом прекрасного популяризатора. Примером этого может служить помещаемая в настоящем сборнике небольшая брошюра Либкнехта «Пауки и мухи», имевшая в свое время огромное распространение и способствовавшая росту классового сознания многих пролетариев, в том числе и в России, где она в 1905—1906 гг., а также после Февральской революции неоднократно издавалась.

В работах Либкнехта, в том числе и в публикуемых ниже, есть кое-какие неточности, устаревшие, неясные, а иногда и просто неправильные формулировки, вроде заявления о том, что «политическая власть, к которой стремится социал-демократия и за которую она будет бороться... имеет своей целью не достижение диктатуры пролетариата, а уничтожение диктатуры буржуазии». Совершенно неверную оценку давал Либкнехт Лассалю, ставя его иногда в один ряд с Марксом и Энгельсом, в то время как основоположники марксизма вели с ним и его последователями решительную борьбу.

Но советский читатель без труда сумеет отделить ошибочные и устаревшие суждения Либкнехта от того, что составляет основное содержание его работ, проникнутых духом революционной борьбы, глубочайшей преданностью делу рабочего класса, великой верой в победу социализма.

Б. Тартаковский

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 367.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ, В ЧАСТНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЙХСТАГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЛОНДОНСКОМУ ИЗДАНИЮ 1889 г.

Речь, которую я издаю теперь без всяких изменений, некоторые неисправимые промаки имеют обыкновение цитировать против меня в доказательство того, что в настоящее время я не тот, каким был десять лет тому назад. Я охотно признаю себя виновным в этом и добавляю, что действительно принадлежу к людям, «учитывающим обстановку», поскольку сообразую свои действия с изменяющимися обстоятельствами. Я даже держусь того еретического взгляда, что человек, не изменяющий своего образа действий с изменением условий, не способен выдумать порох. Неизменность тактики при изменившихся обстоятельствах свидетельствует не о *силе характера*, а о *слабости ума*, не о *последовательности*, а о *бессилии*. Негоден тот генерал, который не способен менять свой тактический план в самом ходе сражения, и самые блестящие победы были одержаны благодаря изменению тактики в момент сражения.

Цель моя сегодня — та же, что и двадцать, сорок и еще более лет тому назад, только теперь она несколько яснее и гораздо шире; *тактику* же свою я изменял неоднократно, и очень возможно, что буду менять ее еще раз или даже несколько раз. В случае изменения поля действий и операционной базы я свою тактику изменю *безусловно*.

Прежде всего я укажу на *дату* своей речи. Она была произнесена в 1869 г., следовательно, до *франко-прусской войны*, до *основания Германской империи*.

Существовавший тогда «Северогерманский союз»¹ послал на себе печать чего-то временного, как и причудливые группы государств в Южной Германии. Никто, не исключая и Бисмарка², не знал, является ли этот «союз»

недопоском, уродом или нормальным поворожденным. Ибо все зависело от милости иностранных держав, с большей или меньшей моральной поддержкой которых состоялось это «патриотическое» дело. Мог ли я, боровшийся в 1848 и 1849 гг. во имя германской свободы и германского единства против творцов этого «национального» чудовища, я, которого эти последние уничтожили бы без лишних слов, попади я только в их руки, — мог ли я отречься от всего своего прошлого и, соблазнившись салом всеобщего избирательного права, дать заманить себя в мышеловку расширенного прусского военно-полицейского государства? Конечно, нет. И я оценивал существовавшую тогда политическую ситуацию так, как оценил бы ее и сейчас, если бы условия остались неизменными.

Но вот грянула война с Францией. Северогерманский союз, существовавший милостью России и Франции, был преобразован в «Германскую империю».

И этим была создана совершенно новая ситуация.

Германская империя ни в каком смысле не соответствует «национальному идеалу». Она не осуществляет ни «единства», ни «свободы». Это лишь урезанная Германия, это Германия-казарма, окруженная еще большей тюрьмой.

И все же Германская империя живет самостоятельной жизнью, не зависит от милости иностранных государств и не может быть опрокинута извне или изнутри одним ударом, одним механическим толчком. Из этой большой казармы, окруженной еще большей тюрьмой, может возникнуть свободное государство только путем внутреннего органического развития.

Короче говоря, эта урезанная Германия (Rumpf-Deutschland) содержит в себе элементы, из которых со временем может вырасти действительно свободная и единая Германия, которая некогда займет достойное положение в Соединенных Штатах Европы и всего мира и заставит забыть о той печальной роли, какую играет сегодня наше отечество в среде государств культурного мира.

Если бы я хотел следовать своим склопностям и желаниям, я не ступил бы и ногой в рейхстаг. Я не могу удержаться от смеха всякий раз, когда «анархистские» хвастуны называют меня завзятым сторонником парламентаризма. Лично я нахожусь с парламентаризмом в очень натянутых отношениях. Я всегда испытывал некоторое

презрение к речам и к произнесению речей, и я абсолютно не создан для парламентской деятельности. Она совершенно не соответствует моей натуре. Я всегда выступаю неохотно и только в тех случаях, когда меня к этому призывает мой высший долг. Никто не придает меньшего значения моей парламентской деятельности, чем я сам.

Однако при настоящих условиях *парламентская деятельность* доставляет нашей партии такие значительные *преимущества*, что надо быть слепым, чтобы не замечать их! Если социал-демократия в Германии организована лучше и представляет собой большую силу, чем в любой другой стране, то этим мы обязаны главным образом нашей парламентской деятельности, а также обусловленному последней и неотделимому от нее *участию в избирательной борьбе*.

Это участие в избирательной борьбе я при единодушном согласии моих товарищей ставлю *на первое место*. *Воспитательное действие всеобщего избирательного права* настолько ощутительно, что я не вижу необходимости разъяснять его значение. Если мы решили бы *воздержаться* от политики участия в выборах, мы и сегодня еще были бы *сектой*, а не *партией*, вокруг которой сосредоточена вся наша политическая жизнь, несмотря на то, что все партии, включая и правительство, ведут против нас открытую борьбу.

То, что наше участие в выборах и в парламентской деятельности преследует преимущественно *агитационные* цели, так часто подчеркивалось уже моими товарищами и мной, что мне нет надобности останавливаться на этом более подробно. И пока мы остаемся незначительным меньшинством, а *все остальные партии противостоят нам в рейхстаге как «реакционная масса»*, борющаяся против всякого серьезного *рабочего законодательства*, против всякого серьезного шага на пути *к социальным реформам*, — до тех пор дело не изменится, и наша парламентская деятельность будет по-прежнему подчинена задаче: воздействовать на народные массы с целью привлечения их на свою сторону.

А теперь я скажу еще несколько слов о *парламентаризме* — лишь два-три замечания. Хорошие ораторы, как правило, бывают плохими политиками — оратор оьяняет самого себя и своих слушателей. Ораторские успехи имеют то общее с актерскими успехами, что развивают

тщеславие и порождают почти всегда смешную, но часто также и опасную *маню величия*.

Нельзя, конечно, совсем отказаться от принципа *представительства*, но его следовало бы ограничить самым необходимым, а именно — стремиться к тому, чтобы законодательная работа и работа по управлению осуществлялись комитетами, а не парламентами, дебаты в которых, как это знает всякий, кто знаком с парламентской жизнью, больше походят на *театральные представления*, чем на *серьезное обсуждение* стоящих перед ними вопросов. Уже и теперь главная работа рейхстага по необходимости совершается *в комиссиях*.

Избираемые народом для определенных целей комитеты, которые могли бы собираться совместно лишь для обсуждения тех вопросов, которые их всех касаются, и передавали бы все законопроекты, прежде чем они получают силу закона, на *народное голосование*, и чтобы при этом народ имел не только *право отвергнуть предлагаемые ему законы*, но и *право законодательной инициативы*, одновременно неограниченная свобода печати и собраний, и все это при правительстве, не имеющем никакой силы против народа, — вот как я в общих чертах примерно представляю себе будущую форму законодательства и правительственной власти в течение того периода, когда вообще еще будет сохраняться какая-то форма правительственной власти. В *Соединенных Штатах Америки* правительство уже и сейчас является по большей части простым органом управления, и оно станет исключительно органом управления, как только будет сломлено *классовое господство буржуазии*, которая облекает государство или правительство, властью для подавления *трудящихся народных масс*.

Но пока это еще «музыка будущего». Для *настоящего времени* я в одной речи, произнесенной мной в Берлине же несколько лет тому назад, сформулировал свою парламентскую, или, точнее, непарламентскую, программу следующим образом:

возможно большее ограничение ораторской части; речи — лишь тогда, когда этого требуют интересы партии; там же, где такого интереса нет, где дело не касается ни проведения *законов в пользу рабочих*, ни необходимости *заклеймить врага*, ни того, чтобы дать достаточную характеристику господствующему режиму, иными

словами, где выступление не диктуется выполнением *агитационной задачи*, — там молчание полезнее всяких речей; *многоречивость и красноречие* — смерть для дела партии, так как могут лишить ее воли к действию.

Также и вне пленума, в *комиссиях*, если бы мы снова получили в них доступ, парламентская деятельность должна быть ограничена самым необходимым. Но именно только *ограничена*; *отказаться* от оружия, которое дает нам в руки участие в комиссионных обсуждениях, было бы так же глупо, как отстранить себя от участия в законодательной работе пленума. Наши избиратели с полным правом требуют от нас, чтобы мы в рейхстаге сделали *все, что в наших силах, для улучшения положения трудящихся масс и успеха дела социал-демократии*. Тактика чистого отрицания и протеста с нашей стороны явилась бы вернейшим средством оттолкнуть от нас избирателя и вырвать у нас почву из-под ног. Здесь, как и во всей практической политике, мы должны руководствоваться *простой точкой зрения полезности*, конечно, при том условии, что это не нарушает принципа.

В. Либкнехт

Форсдорф, 15 ноября 1888 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

То, что я припужден был недавно сказать по поводу нижеследующего доклада перед судом присяжных во время лейпцигского «процесса по обвинению в государственной измене»³, освобождает меня сейчас от дальнейших объяснений. К сказанному мною там, мне остается добавить лишь очень немногое. Мой доклад, прочитанный три года тому назад, был «речью к случаю», и его надо оценивать именно как такую речь. Я не имею оснований ни брать назад, ни смягчать что-либо из сказанного мною тогда. Меньше всего я имею оснований смягчить что-либо в моей критике бисмарковского парламентаризма, нашедшего в «германском рейхстаге» свое не менее «славное» проявление, чем в блаженной памяти «Северогерманском рейхстаге».

Но резкую оценку, дающую мной этому специфическому наросту, мне следовало бы, конечно, распространить на *парламентаризм* вообще. Ибо если последний нигде (не исключая и *Bas-Empire* * Бонапарта) не выполняет такой печальной роли, как в прусской Германии, то все же во *всех* государствах, где существует парламент, он служит обману и порабощению народа, повсюду он представляет собой лишь разукрашенный мишурой фразы театральный плащ, за которым абсолютизм и классовое господство скрывают свою отвратительную сущность и свои орудия убийства. Там, где управляет народ, в Швейцарии и в Америке, хотя они и не являются, ко-

* Поздняя империя (фр.) — так называли Римскую империю времен упадка; в литературе XIX века этот термин применялся по отношению ко Второй империи во Франции.

печно, образцовыми республиками в смысле требований социал-демократии, нет никакого парламентаризма. Непосредственное народное законодательство и управление, к которому мы стремимся, не сможет, правда, обходиться совсем без представительных учреждений; однако, граждане, выдвигаемые путем *свободных* народных выборов, образуют *комитеты*, по-деловому выполняющие определенные, строго ограниченные задачи, а не клубы-говорильни, где царит многоречивое бессилие и где просто невозможны ни добросовестное рассмотрение вопросов, ни серьезное обсуждение, ни принятие мужественных зрелых решений. Не французский *Конвент*, а его *комитеты* совершили гигантскую работу воиствующей революции и вычистили авгиевы конюшни⁴ феодального мира. Даже наш парламентаризм видит себя вынужденным действительно деловую работу передавать в комиссии.

Но об этом подробнее в другой раз.

То обстоятельство, что я в своем докладе еще провозжу различие между деятельностью Швейцера и королевско-прусским придворным социализмом, имеет свое основание в тогдашних партийных отношениях. Мое выступление и выступление Бебеля на общем собрании Всеобщего германского рабочего союза⁵ в Бармен-Эберфельде (в марте 1869 г.) ознаменовали заключение с г. фон Швейцером⁶ своего рода перемирия, которое к тому времени еще сохраняло свою силу, по этому перемирию очень скоро должен был наступить конец. Тогдашняя политическая позиция Всеобщего германского рабочего союза (который я, кстати сказать, никогда не отождествлял с ныне счастливо дослужившимся до звания придворного поэта господином фон Швейцером, как ни велико было в прошлом его — к сожалению, сохраняющееся косвенным путем еще и сегодня — влияние на союз) в конечном счете совершенно правильно охарактеризована в моем докладе словом «национал-либеральная».

Если я так сильно подчеркнул неразрывную связь между демократией и социализмом, то это диктовалось тактикой Швейцера, направленной к тому, чтобы вызвать у рабочих недоверие к демократии; что касается всех неправильных толкований относительно «бюргерской демократии», которую я беру под защиту против иезуитских нападок придворного социализма, то с *вступ-*

лением Якоби ⁷ в социал-демократическую рабочую партию они не имеют больше никакой почвы, ибо я имел в виду именно только Якоби и его единомышленников.

За этими предварительными замечаниями следует мой доклад, представляющий собой перепечатку без изменений отчета о нем (кстати сказать, *не* стенографического), опубликованного летом 1869 г. в «Демократическом еженедельнике» ⁸, а затем в виде отдельной брошюры.

В. Либкнехт

Так как на этот раз мне не удалось получить слово в рейхстаге, то я вдвойне рад был воспользоваться этим поводом для изложения моей социально-политической точки зрения.

На вопрос о том, какую позицию должна занять социал-демократия в политической борьбе, можно легко и уверенно ответить, если мы уясним себе *неразрывную связь между социализмом и демократией*. Социализм и демократия — не одно и то же, но они являются лишь различными выражениями одной и той же основной идеи, они связаны друг с другом, дополняют друг друга и *никогда не могут находиться в противоречии друг с другом*. Социализм без демократии есть мнимый социализм, как демократия без социализма есть лжедемократия. *Демократическое государство — единственно возможная форма социалистически организованного общества*.

Все противники буржуазии согласны с *негативной* стороной социализма. Вагнер⁹ и епископ Кеттелер¹⁰, католические папы австрийского рейхстага, протестантские юнкеры прусского образцового государства — все они осуждают буржуазию так же громко, употребляют те же лозунги, как и самый радикальный социалист. Это показывает, что борьба против буржуазии *сама по себе* не только не является пародной, демократической борьбой, но может обуславливаться самыми реакционными мотивами. Поэтому и необходимо рядом с негативной стороной социализма выдвинуть его положительную сторону, которая отличает нас от этих реакционеров. И прежде всего говорим: помимо социальной борьбы мы ведем также и *политическую борьбу* и при этом должны вести ее в *самых первых рядах*. Именно потому, что мы уяснили

себе неразрывную связь между социализмом и демократией, мы и называем себя *социал-демократами*. Это название, это имя содержит в себе нашу программу. Программы же существуют не для того, чтобы их признавали на словах и отвергали на деле; они должны служить руководящей нитью для наших действий.

Если мы ограничимся одной социальной борьбой и не отведем соответствующего места политической борьбе, то возникнет опасность, что наши враги воспользуются существующими классовыми противоречиями и, следуя правилу *divide et impera* (разделяй и властвуй), будут то входить в сделки с буржуазией против рабочих, то, льстя рабочим, использовать их против буржуазии. *Эта двойная игра характеризует современный цезаризм, который зиждется главным образом на использовании классовых противоречий. Во Франции империя сегодня «спасает» буржуазное общество от рабочих, а завтра флиртует с рабочими, чтобы загнать испугавшуюся буржуазию в свои тенета. Здесь, в Пруссии, цезаризм и в этом отношении копирует французский оригинал и дружески хлопывает по плечу то буржуазию, то рабочих. И вот дошло до того, что национал-либерализм, т. е. буржуазия, организованная в политическую партию, видит в прусском правительстве свое спасение против рабочих, а одураченные рабочие — будем надеяться, что, несмотря на систематические попытки развращения сверху, таких все же немного — ждут от того же правительства защиты против буржуазии.*

Для того, чтобы социальное движение не пошло на пользу цезаризму, социализм должен сражаться в первом ряду, стать передовым борцом в политической борьбе.

Надо прежде всего установить, что социальное движение есть революционный процесс преобразования, который не может завершиться в течение одного или двух дней. Социальный вопрос подобен тому легендарному растению, цветок которого, продремав целое столетие в почке, внезапно с треском вырывается наружу. Слово «революция» имеет двоякое значение. Во-первых, под ним подразумевают просто свержение того или другого правительства — свержение, которое может явиться результатом короткой уличной борьбы. Таков более узкий смысл этого слова. Более широкий смысл охватывает весь

процесс развития нового общественного организма, который должен создать себе соответствующую государственную форму. И этот революционный процесс, не прекращающийся и в мирные периоды, может быть ускорен, но не может быть по произволу, с помощью какого-нибудь чудодейственного рецепта, сведен к минимальному сроку.

Буржуазии понадобилось полтысячелетия, чтобы достигнуть своего нынешнего господствующего положения. Пролетариат, задачей которого являются упразднение покоящегося на наемном труде буржуазного способа производства и уничтожение вместе с наемным рабством и классового господства, не может решить эту задачу в несколько лет. Современная пролетарская революция, конечно, не будет такой продолжительной, как лежащая позади нас буржуазная революция: в век пара и электрического телеграфа человечество продвигается быстрее вперед, культура доступна более широким массам, армия людей, которые ведут борьбу за новые идеи, имеет более широкие возможности усиливать себя новыми рекрутами.

Но новое общество находится в непримиримом противоречии со старым государством. Оно не может развиваться в рамках феодально-полицейского и военизированного государства. Поэтому тот, кто желает осуществления нового общественного строя, должен прежде всего содействовать уничтожению старого государства. Вот почему в чисто социальном вопросе социал-демократия при существующих условиях вынуждена оставаться преимущественно на почве теории. Чтобы иметь возможность перейти к социальной практике, она предварительно должна завоевать государство.

Этим определяется позиция социал-демократии в отношении к «преобразованию Германии». «Великое событие» 1866 г. имеет для Германии то же значение, какое имел для Франции государственный переворот второго декабря 1851 г. Государственный переворот Бисмарка, как и государственный переворот Наполеона, был направлен против демократии. Мы осуждаем эти акты не за их *насильственный характер*, ибо насилие есть последнее слово как монархов, так и народов, а потому, что они были совершены во Франции в интересах кучки презренных авантюристов, а в Германии — в интересах сословия, не имеющего более права на существование, — в интересах юнкерства.

Так называемый «пруссский конституционный конфликт»¹¹ был попыткой народа и прежде всего класса буржуазии завоевать государственную власть *парламентскими* средствами. 1866 год низвел парламентскую борьбу на степень циркового состязания, настоящий же театр военных действий был перенесен в другое место. Северогерманский «рейхстаг», несмотря на всеобщее избирательное право, не имеет абсолютно никакой власти; он обладает не решающим, а лишь совещательным голосом и по причине своего бессилия не может быть использован демократией как арена *борьбы за власть*.

Как французская демократия по отношению к цезаристской империи, так немецкая демократия по отношению к Северогерманскому союзу и ко всему, что с последним связано, должна занять отрицательную, враждебную позицию. Отказавшись от этой враждебной позиции, она не только отречется от своего принципа и тем самым от самой себя, но нарушит и простейшие правила практической мудрости.

Перехожу теперь к вопросу: должна ли демократия вообще выбирать в «рейхстаг»? Выбирать или не выбирать — является при всеобщем избирательном праве не принципиальным вопросом, а вопросом *полезности*. Мы имеем *право* выбирать; то обстоятельство, что это право нам октроировано, не лишает нас нашего естественного права; и если мы усматриваем в этом для себя какое-то *преимущество*, то мы выбираем. Под этим углом зрения мы рассматривали вопрос в Саксонии при созыве «рейхстага». Часть товарищей была из соображений полезности против участия в выборах, другая — за участие. Необходимость уклонения от выборов обосновывалась тем, что такая тактика яснее покажет народу бесправность его положения; необходимость участия — тем, что в случае уклонения демократии противники получают ораторскую трибуну в свое нераздельное обладание, будут одни пользоваться словом и таким образом легче сумеют опутать, сбить с толку чувство народа. Последнее соображение взяло верх, и было принято решение в пользу участия. Лично я держался того мнения, что избранные нами представители должны войти в «рейхстаг» с протестом и вслед за тем немедленно покинуть его, не слагая, однако, своих полномочий. С этим мнением я остался в меньшинстве. Было принято решение, что представители демокра-

тии могут воспользоваться всяким подходящим, по их мнению, поводом, чтобы высказать в «рейхстаге» свое отрицательное к нему отношение и свой протест, но что они должны воздержаться от участия в собственно парламентской работе, так как такое участие могло быть истолковано как признание Северного союза и политики Бисмарка и затушевать в глазах народа тот факт, что борьба в «рейхстаге» есть лишь мнимая борьба, лишь комедия. Этой тактики мы держались в первой и во второй сессии «рейхстага». При обсуждении *промыслового устава*, который был главным предметом пынцешней сессии, некоторые мои партийные товарищи полагали, что во имя интересов рабочих и с целью пропаганды следует сделать исключение. Я был против этого. Социал-демократия не должна ни при каких условиях и ни в какой области вступать в переговоры с противником. Договариваться можно лишь там, где имеется общая основа. Договариваться с принципиальными противниками значит приносить в жертву свои принципы. Принципы неделимы; они или целиком сохраняются, или целиком приносятся в жертву. Малейшая принципиальная уступка есть отказ от принципа. Тот, кто ведет парламентские переговоры с врагами, о чем-то с ними договаривается; тот, кто достигает договоренности, идет на соглашение.

Поучительным и предостерегающим примером нам может служить в этом отношении прогрессистская партия¹². В период так называемого прусского конституционного конфликта эта партия не скупилась на красивые и сильные речи. С какой энергией протестовала она — на словах! — против реорганизации! С какой «убежденностью» и как «талантливо» защищала она — на словах! — права народа! Но правительство очень мало беспокоило правые доводы; оно предоставило прогрессистской партии рассуждать сколько ей угодно о праве, а само оставило за собой и пустило в ход насилие. А прогрессистская партия? Вместо того чтобы отказаться от парламентской борьбы, ставшей при этих условиях вредной пеллепостью; вместо того чтобы покинуть ораторскую трибуну, принудив таким образом правительство перейти к неприкрытому абсолютизму; вместо того чтобы апеллировать к народу, — она, находя удовлетворение в собственных фразеях, продолжала неутомимо бросать на ветер протесты, юридические толкования и принимать резолюции, о которых

все знали, что они не окажут на правительство никакого действия. Палата депутатов из политической арены была превращена таким образом в театр для комедий. Народ постоянно слышал одни и те же речи, видел все ту же бесплодность и отвернулся от этой парламентской борьбы, преисполнившись к ней сперва равнодушием, а затем и презрением. *Это сделало возможным 1866 год.* «Красивые», «сильные» оппозиционные речи прусской прогрессистской партии создали почву для политики крови и железа¹³. *Эти речи были надгробными речами над могилой самой прогрессистской партии. В буквальном смысле слова прогрессистская партия своими речами вогнала себя в гроб.*

Лассаль¹⁴ — об этом я должен здесь напомнить и прежде всего хочу освежить это в памяти присутствующих членов основанного им союза,— Лассаль решительно осуждал образ действия прогрессистской партии и предсказал последствия такой тактики. Он советовал депутатам уйти с парламентской арены и сложить свои полномочия. Но, к сожалению, он не дошел до требования *отказа от уплаты налогов*, что было в то время единственным верным средством заставить правительство отступить. Но, как бы то ни было, Лассаль был во всяком случае прав, показав всю нелепость и вред парламентского красобайства, говорения ради говорения.

Если демократия совершит теперь ту же ошибку, которую совершила прогрессистская партия шесть лет тому назад, то одинаковая причина приведет к одинаковому следствию.

Но и независимо от собственно политической точки зрения надо сказать, что участие нашей партии в парламентских дебатах не может принести ни малейшей практической пользы.

Заранее очевидно, что при данном составе «рейхстага» не может быть и речи о проведении принципиально важных в нашем понимании законодательных проектов.

«Но,— возразят мне некоторые,— в рейхстаге мы имеем самый благоприятный повод развить перед слушателями принципы социал-демократии». Повод к этому мы имеем, но безусловно не самый благоприятный и даже просто не благоприятный.

Неужели вы думаете, что «рейхстаг» позволит использовать свою ораторскую трибуну в качестве кафедры? Предположите, что Маркс пожелал бы прочесть депута-

там ряд теоретических докладов; как долго и много ли раз пожелали бы его слушать? Может быть, раз послушали бы из *любопытства*, но не больше.

О возможности для нас *оказать влияние на законодательство*, как я уже говорил, нечего и думать. Какую же в таком случае цель могло бы преследовать изложение наших принципов в «рейхстаге»? Быть может, обращение в социализм его членов?! Думать о такой возможности было бы больше, чем ребячеством; это было бы просто глупостью.

Проповедовать наши принципы членам «рейхстага» имело бы не бóльший практический смысл, чем прокричать их морским волнам, с той лишь разницей, что последнее было бы менее смешно. Гг. Брауны¹⁵ и иже с ними прекрасно знают, чего мы хотим. По отношению к ним, как вообще по отношению к *господствующим классам*, которые почти одни и представлены в «рейхстаге», *социализм является уже не вопросом теории, а просто вопросом силы, который не может быть решен ни в каком парламенте, а подобно всякому другому вопросу силы может быть решен лишь на улице, на поле сражения.*

«Да о влиянии на самый «рейхстаг» мы также не думаем; мы хотим лишь использовать трибуну «рейхстага» для того, чтобы с нее говорить к народу».

Прекрасно. И я в свое время использовал в этом смысле трибуну рейхстага и в свое время снова использую ее таким же образом. Но разве эта трибуна — подходящее место для теоретических выступлений? Чтение заранее написанного запрещено в «рейхстаге», и вы все согласитесь со мной, что самый опытный оратор даже при условии, что его спокойно слушают, чего в «рейхстаге» никогда не бывает, не в состоянии прочитать по памяти научную работу и продиктовать ее стенографам в том законченном виде, какой он может придать ей дома, за своим письменным столом.

«Но в «рейхстаге» он может высказать некоторые взгляды, публичное выражение которых в других случаях запрещено».

Это я отрицаю. Я могу в «рейхстаге» нападать на существующий *политический* порядок вещей, что ни в каком ином собрании в Пруссии не осталось бы безнаказанным, но по *социальным* вопросам, именно в теоретической области нет ничего, что не могло бы быть высказано

в другом месте с той же безнаказанностью. И уж так ли должны мы опасаться борьбы против законов? Является фактом, что в Пруссии каждый день беспрепятственно печатается и устно высказывается по социальному вопросу гораздо больше революционного, чем все вместе взятое, что содержат по этому вопросу произнесенные в «рейхстаге» речи.

Однако предположим, что нам удалось бы контрабандным путем протащить в «рейхстаг» какую-нибудь истину, которую нельзя было бы высказать ни в каком другом месте. Чего мы этим достигли бы? Закон, правда, разрешает свободную перепечатку парламентской речи, но тот же закон делает печать *ответственной за каждое слово*, если она приводит лишь *выдержки из речи* или *одну речь вместо прений в целом*. Дать же стенографический отчет о прениях в целом (ибо только он и допускается законом) недостаток места не позволяет даже большим газетам, не говоря уже о маленьких социал-демократических.

Для того, чтобы хитроумно протасканные в «рейхстаг» истины снова оттуда вытащить и передать народу, не остается другого средства, кроме официального стенографического отчета, недоступного, однако, массам из-за своего большого объема и высокой цены.

То, что рабочие могут узнать по социальному вопросу из прений, они узнают из рабочих газет, а то, что последние приводят в форме отчетов о заседаниях парламента, они могли бы значительно лучше, в более тщательно обработанном виде давать в форме самостоятельных передовиц и статей.

Укажем еще на то, что практический аргумент о «контрабандном протаскивании» пущен в ход теми, кто меньше всего торгует нелегальными, запрещенными полицией товарами. Возьмите, например, «большую речь»¹⁶ г. фон Швейцера — каждое слово в ней вполне могло бы пройти домартовскую цензуру.

Резюмируем:

Прямого влияния на законодательство наши речи оказать не могут.

«Рейхстаг» мы своими речами на истинный путь не обратим.

С помощью речей в «рейхстаге» мы не сможем бросить в массы никаких истин, которых нельзя было бы распространить гораздо лучше иным путем.

Какое же «практическое» значение имеет произнесение речей в «рейхстаге»? Никакого. Говорить же бесцельно есть утеха глухцов.

Таким образом, наше участие в «рейхстаге» не даст нам ровно никакого преимущества. Зато оно имело бы свою отрицательную сторону: нам пришлось бы поступиться своим принципом, низвести серьезную политическую борьбу на степень парламентского спортивного состязания, а это значило бы ввести народ в заблуждение, внушив ему иллюзию, будто бисмарковский «рейхстаг» призван к решению социального вопроса. Можем ли мы после всего этого «из практических соображений» идти на какие-то переговоры в парламенте, на какие-либо парламентские соглашения? Только измена или близорукость могут от нас этого требовать.

То, что правильно с точки зрения принципа, и практически всегда является наилучшим. Верность принципам — самая лучшая политика.

Я не хочу этим сказать, что парламентская борьба должна быть отвергнута всегда и при всяких условиях. В периоды хронической пассивности, когда кровь вяло и медленно циркулирует в политическом теле, когда подавленный дух народа не видит спасения на целые десятилетия вперед, — в такие периоды может быть полезным поддерживать в том или другом парламенте хотя бы слабый огонек свободы, прорезывающий лучом света окружающую тьму ночи.

Или когда народ, когда «рабочие батальоны» стоят, готовые к бою, у дверей парламента, — тогда брошенное с трибуны слово может, пожалуй, подействовать как электрическая искра и явиться сигналом к освободительному подвигу.

Но теперь, слава богу, мы уже не живем в эпоху хронического болотного застоя и, к сожалению, еще не переживаем кануна решающего народного подъема, когда бьет ключом из народных глубин энергия и воля к действию.

Я далек от недооценки значения живого слова. Однако в эпоху кризиса, когда один мир отмирает, а другой находится в процессе возникновения, — *в такую эпоху представителям народа следует быть среди народа.* Что касается меня, то я считаю не только более достойным и почетным, но и более плодотворным говорить перед собра-

нием прямых и честных рабочих, чем перед обществом юнкеров, отступников и нулей, которые собрались по маповению руки презирающего право и людей политика и называют себя Северогерманским «рейхстагом».

Но «рейхстаг» есть детище всеобщего избирательного права. Всеобщее голосование есть воля народа и, как демократы, мы обязаны уважать волю народа, а следовательно, и «рейхстаг».

В этом довольно часто приводимом и распространенном рассуждении мы наталкиваемся на ту *неразумную переоценку всеобщего избирательного права*, которая, опираясь преимущественно на авторитет Лассалья, доходит до настоящего *идолопоклонства*. В особенности в Северной Германии многие считают всеобщее избирательное право чудодейственным корешком, который открывает «обездоленным» доступ к государственной власти, и они тешат себя мечтой, что при помощи всеобщего избирательного права им в военно-полицейском государстве удастся, как когда-то Мюнхгаузену, вытащить себя из болота социальной нищеты. Этим людям следовало бы украсить свою голову косой Мюнхгаузена. Конечно, всеобщее избирательное право есть священное право народа, основное условие демократического, социал-демократического государства. Однако в изолированном, оторванном от гражданской свободы виде, при отсутствии свободы печати и свободы союзов, при господстве военно-полицейской и солдатской сабли — одним словом, в *абсолютистском государстве всеобщее избирательное право может явиться лишь игрушкой и орудием в руках абсолютизма*.

Бонапарт, предательски убив республику, провозгласил всеобщее избирательное право.

После того как граф Бисмарк доставил победу юнкерскому партикуляризму, после того как он благодаря своим «успехам» в 1866 г. разделался с прусской либеральной буржуазией и разорвал Германию, он совершил то же, что сделал пятнадцатью годами раньше его прообраз, — прокламировал всеобщее избирательное право.

В обоих случаях это провозглашение, это дарование сверху всеобщего избирательного права закрепило триумф деспотизма. Уже это одно должно было бы открыть глаза наивным энтузиастам евангелия всеобщего избирательного права.

Объяснять мотивы Бонапарта здесь не место; что же касается тех мотивов, которыми руководствовался граф Бисмарк, то они ясны, как день.

Трехклассная избирательная система¹⁷ при всей своей недемократичности и антидемократичности все же имеет вместе с тем антифеодалный характер, так как переносит центр тяжести парламентского представительства в имущие классы, которые при всей своей постоянной готовности образовать единый фронт с абсолютизмом против рабочих, против демократии *все же*, за исключением крупных землевладельцев, являются врагами абсолютистского государства и до известной степени «либеральными». *Либеральная палата депутатов, продукт трехклассной избирательной системы, была неудобна для юнкерского правительства. Нужно было создать противовес ей, и он был найден во всеобщем, прямом и равном избирательном праве.*

Лишь очень немногие являются духовно и материально независимыми в современном полицейском государстве, в государстве духовной и военной дрессировки! Одно наше крестьянство, которое беспрекословно подчиняется и не может не подчиняться воле начальства, составляет две трети всего населения.

Это обстоятельство учел граф Бисмарк, и он не просчитался. При помощи всеобщего избирательного права он устранил с пути оппозицию имущих классов и добился послушного большинства в «рейхстаге», которого никогда не дала бы ему трехклассная избирательная система.

Таким образом, всеобщее избирательное право было даровано сверху вовсе не для того, чтобы оно служило рычагом демократии, а для того, чтобы оно служило оружием в руках реакции.

Это всеобщее избирательное право находится под бдительным контролем правительства у нас еще в большей степени, чем во Франции, где народ политически более воспитан, где он имеет за плечами три революции и находится накануне четвертой. Можно с уверенностью утверждать, что в Пруссии не может быть избран в «рейхстаг» ни один депутат, против кандидатуры которого *серьезно борется* правительство. Я напому о последних выборах в Ганновере, где были конфискованы воззвания оппозиции и где сй чинились тысячи препятствий. А ведь здесь речь шла лишь о *неудобном*, а не об *опасном*

кандидате. Если бы правительство захотело пустить в ход всю свою силу, — я говорю о *законном* употреблении этой силы, ибо «интеллигентный» абсолютизм почти всегда драпируется в мантию законности, — то оно легко могло бы воспрепятствовать избранию Эвальда¹⁸. Предположим, что выступает кандидат, которого правительство не желает видеть в «рейхстаге»: оно конфискует — на законном основании — газеты, в которых рекомендуется его избрание; оно конфискует — на законном основании — предвыборные воззвания; оно запрещает — на законном основании — предвыборные собрания или же разрешает их, а затем — на законном основании — распускает; оно арестовывает — на законном основании — тех, кто выступает в пользу кандидата; оно арестовывает — на законном основании — самого кандидата.

Арестовали же ведь недавно даже депутата «рейхстага», который сидел бы в тюрьме и до сих пор, если бы национал-либералы по улыбке Бисмарка не догадались, что для ареста не было никакого основания.

Предположим, однако, что правительство — потому ли, что оно уверено в своей силе, или из политического расчета — не пускает в ход своего аппарата насилия и что удалось бы осуществить мечту некоторых политических фантазеров из социалистов и избрать в «рейхстаг» социал-демократическое большинство. Что должно бы было это большинство делать? *Nic Rhodus, hic salta!** Настал момент для преобразования общества и государства. Большинство принимает всемирно-историческое решение, наступает новая эра — да нет же, рота солдат прогоняет из храма социал-демократическое большинство, а если упрямцы не хотят спокойно с этим примириться, то несколько полицейских отведут их в арестный дом, где у них будет достаточно времени, чтобы предаваться размышлениям по поводу своего дон-кихотского образа действий.

Революции не делаются с разрешения властей. Социалистическая идея не может быть осуществлена в рамках современного государства. Чтобы социалистическая идея могла воплотиться в жизнь, это государство должно быть свергнуто.

---

* Здесь Родос, здесь и прыгай! (лат.)

Никакого мира с современным государством!

И долой культ всеобщего и прямого избирательного права!

Будем по-прежнему участвовать в выборах, но будем ими пользоваться лишь как *агитационным средством* и не будем упускать случая указывать на то, что избирательная урна не может стать колыбелью демократического государства. Всеобщее избирательное право получит решающее влияние на государство и общество лишь *после* упразднения полицейско-военного государства.

В заключение несколько слов о различных видах социализма, которые существуют теперь в Германии и представлены также в «рейхстаге» и которые точно соответствуют нашим партийно-политическим группировкам.

Прежде всего мы имеем (ибо незачем говорить здесь о д-ре Максе Гирше¹⁹, который объявляет классовые противоречия «недоразумением» и добровольно оказывает полицейские услуги (Special constable) буржуазии в ее борьбе с социализмом) *королевско-прусский придворный социализм*, или *феодальный социализм*, представленный г. Вагнером, который, заметим мимоходом, и создал для князя Бисмарка аппарат всеобщего избирательного права. То, что г. Вагнер занимается социализмом не на свой страх и риск, а по поручению свыше, явствует из бесчисленных фактов; напомним лишь о том, что полиция терпит существование Всеобщего германского рабочего союза, который верховный трибунал объявил «незаконным». Заслуживают упоминания еще два мало известных факта.

Когда «Северогерманская всеобщая газета»²⁰ вступила в известные отношения с князем Бисмарком, вследствие чего я должен был уйти из нее, *Брасс*²¹ предоставил в распоряжение Маркса, Энгельса и мое ежедневно два столбца своего органа, заметив при этом, что мы можем писать о социализме и коммунизме прямо и открыто, без всяких предосторожностей, самым откровенным образом. Правительство, о котором мы, мол, неправильно судим, твердо намерено сделать что-нибудь для бедного человека, для пролетариата. Я, конечно, отклонил это предложение. Мы не могли содействовать тому, чтобы рабочее движение играло на руку монархии божьей милостью.

Кстати сказать, это было еще *до того*, как Лассаль опубликовал свой «Ответ»²², — лучшее доказательство, что

не агитация Лассалья впервые побудила правительство «изучить» социальный вопрос, как это часто утверждается и друзьями и врагами Лассалья.

Второй факт: на заседании комитета по обсуждению мер для смягчения бедственного положения Восточной Пруссии один прогрессистский член этого комитета стал жаловаться на заигрывания официозных и официальных сфер с некоторыми социалистическими стремлениями. В ответ на эти обращенные к нему жалобы лицо, занимающее второе по рангу место в государстве, если не считать высшим лицом в государстве князя Бисмарка (это был наследный принц), заявило: *«Такова твердая воля князя Бисмарка, который держится того взгляда, что покровительство социалистическим стремлениям является лучшим средством парализовать влияние демократии».*

Во-вторых, мы имеем *национал-либеральный* социализм, стоящий на почве «условий, созданных в 1866 г.», приемлющий государственный переворот, считающий пригодной к улучшению конституцию Северогерманского партикуляристского союза и стремящийся ее улучшить. Подобно национал-либеральным реальным политикам, и национал-либеральные реалистические социалисты, поскольку они честны, проникнуты счастливой фанатической верой в то, что, несмотря на все компромиссы, они сумеют сохранить в чистоте свои принципы и что в конечном счете им удастся перехитрить полицейско-военное государство. Плачевное фиаско гг. Брауна, Микеля²³ и компании предвещает ожидающий их жребий. Нелюбовность этого направления яснее всего сказывается в том факте, что *политически* национал-либеральные социалисты идут рука об руку с национал-либеральной буржуазией, социальное господство которой они хотят сломить.

Демократический социализм не имеет ничего общего ни с этим, национальным, ни с охарактеризованным выше феодальным социализмом, которые оба отделяют социальную проблему от вопросов политических. Исходя из убеждения в том, что политический и социальный вопросы неразрывно связаны между собой, *демократический социализм* гордо отклоняет всякий компромисс с существующим строем и стремится завоевать для общества демократическое государство, с тем чтобы организовать общество на социалистических началах. Мы являемся сторонниками именно *такого* социализма, и только мы одни

имеем право называть себя социалистической партией. Другие — не что иное, как клика, или секта. Мы представляем собой социал-демократию.

Мы не висим в воздухе, как нас в этом укоряли. Мы лишь не имеем ничего общего — ни политически, ни социально — с господствующим порядком вещей. Я республиканец; то обстоятельство, что я живу в монархическом государстве, не делает меня роялистом.

Силу мы, конечно, признаем, но лишь в качестве факта, а не в качестве права; мы признаем ее как факт, который будем терпеть до тех пор, пока эта сила не потеряет своей силы, т. е. до тех пор, пока ей не сможет быть противопоставлена большая сила. Мы не сидим в бездействии сложа руки, а пользуемся всяким оружием, какое оставила нам господствующая власть, для борьбы против этой власти. Таким образом, и мы «учитываем существующие условия», но в той единственной форме, которая совместима с нашим принципом и с политической прозорливостью.

Блестящий пример в этом отношении дает нам французская демократия. Когда Бонапарт произвел свой государственный переворот, он прокламировал всеобщее избирательное право и построил золотой мост, который от моря крови, пролитой второго декабря, должен был повести к демократии, к народу, к рабочим.

Французская демократия — и это составляет ее бессмертную славу — осталась верна своим принципам, верна своей ненависти и с презрением отвергла примашки деспота-властелина. С тех пор прошло восемнадцать лет; те немногие, которые, подобно Оливье, не могли противостоять чарам успеха и перешли золотой мост, презираются всеми честными людьми и несут на лбу каинову печать предательства, французская же демократия стоит лицом к лицу против цезаризма, непримиримая, твердо уверенная в своей победе.

Мы тоже не пойдем по этому золотому мосту. Мы знаем, что придет наше время, и спокойно ждем гибели мух-однодневок, вызванных к жизни солнцем «успеха».

Мы не можем помешать тому, чтобы правительство попыталось использовать в качестве козыря рабочий вопрос, но мы можем помешать и помешаем тому, чтобы эта попытка ему удалась. Мы можем и будем препятствовать тому, чтобы классовая борьба между пролетариатом

и буржуазией служила интересам реакции, интересам юнкерства. Нам это удастся, если *политическую* борьбу мы поведем с той же энергией, с какой ведем борьбу социальную. Я знаю, что в Пруссии это трудно выполнить, но *это должно быть* выполнено. И прежде всего рабочий класс должен отбросить искусственно привитое ему и поддерживаемое в нем недоверие к «бюргерской демократии», представителем которой является *Якоби*.

Когда хотят сбить с толку партии, достаточно лишь бросить какое-нибудь двусмысленное слово, которое всякий может истолковать по-своему. Таким-то словом, таким яблоком раздора является выражение: «бюргерская демократия».

Слово «бюргер» имеет три совершенно различных значения. Прежде всего оно значит «*гражданин*», и тогда содержит в себе понятие политического равенства; во-вторых, оно значит «*мещанин*», а социальное положение и интересы немецкого городского мещанства толкают последнее на сторону рабочих; в-третьих, наконец, оно значит «*буржуа*», т. е. капиталист, живущий эксплуатацией рабочего и стремящийся продлить навеки эту эксплуатацию.

Независть, связанная с понятием «буржуа», делает для рабочих выражение «бюргерская демократия» бранным словом. Но разве буржуазия демократична? Напротив, буржуазия понимает внутреннюю связь демократии и социализма, она ненавидит демократию и настроена *национал-либерально*. И замечательно, что те же самые люди, которые яростно нападают на *противника буржуазии, Якоби*, называя его «бюргерским демократом» и «буржуазным демократом», *политически* идут вместе с буржуазией и тем самым помогают ей сохранить свои *социальные привилегии!* Это вам доказывает, что те, кто поднимет крик против «бюргерской демократии», или очень близоруки, или очень бесчестны.

Я согласен, что *Якоби* еще не является социалистом в строгом смысле этого слова. Он все еще выдвигает политический вопрос больше, чем социальный, что является такой же большой ошибкой, как и противоположная тактика. Но так как несомненно, что истина и справедливость для него выше всего, то он, наверно, целиком присоединится к нам. Если сейчас он еще является больше политиком, чем социалистом, то это не должно нас удер-

жать от того, чтобы пожать его протянутую нам руку. Мы не желаем к выгоде врагов препираться с друзьями из-за второстепенных вопросов. Будущее принадлежит социализму, стоящему на почве демократии, и демократии, стоящей на почве социализма.

В марте 1848 г. всякий был демократом. Когда же движение приняло серьезный оборот, когда обнаружилось, что или все «завоевания» потеряны, или необходимо сделать настоящую, полную революцию, которая удовлетворила бы справедливые требования борющегося пролетариата,— тогда буржуазная демократия, точнее, играющая в демократизм буржуазия, в безумном страхе перед призраком коммунизма покинула демократический рабочий класс. Где сегодня буржуазная демократия того времени? «Старые демократы», представители 1848 г., не «отпали», как о них часто говорят, а просто попали туда, куда им следовало, куда они должны были попасть. Из бессознательных буржуа они стали сознательными буржуа, как только развились экономические противоречия в силу колоссального промышленного и торгового оживления, наступившего после 1848 г. Эти буржуазные демократы, которых мы, поскольку они не вымерли или не опустились морально, ныне почти без исключений встречаем в рядах более или менее прогрессивного национал-либерализма,— эти буржуазные демократы никогда не были демократами, а были лишь путаными головами, упивающимися фразами, смысла которых они сами не понимали.

Подлинный демократ не может не быть также и социалистом. Демократия, представителем которой является Якоби, должна выступать более решительно, чем до сих пор, в области социальной, социализм же должен занять более решительную, чем он занимал до сих пор, позицию в области политической. Лишь тогда, когда это произойдет, когда социалистические и демократические течения, вместо того чтобы вести между собой борьбу, будут взаимно усиливать и дополнять друг друга, может возникнуть серьезное, крупное по размерам социал-демократическое движение, которое будет достаточно сильным, чтобы сломить всякое сопротивление.

Почему в настоящее время социал-демократия еще так слаба? Мне известно, что этот вопрос служит теперь предметом горячих дебатов, но в этих дебатах много шума, да мало толку. Я стою за кулисами и, не говоря уже

о моральной стороне вопроса, считаю чрезвычайно неразумным обманывать публику и нашу собственную партию относительно нашей силы. Итак, почему наша партия ныне так слаба? *Почему держится в стороне от нее огромное большинство рабочих?* Почему, в частности, в Берлине социал-демократия имеет так мало сторонников, что лишь совсем недавно вследствие благополучно проведенной стачки²⁴ она смогла объединить под своим знаменем несколько сотен человек? Несколько сотен из ста тысяч!

Почему? Убеждение в том, что теперь социальное движение эксплуатируется реакцией, что это движение выгодно последней,— это вполне обоснованное убеждение удерживает массы, которые обладают демократическим инстинктом.

С того момента, когда будет устранено всякое сомнение относительно политической позиции социал-демократии, с того момента, когда социал-демократия, не ослабляя своей классовой борьбы против буржуазии, поведет также и политическую борьбу,— с этого момента мы будем иметь на своей стороне рабочие массы и сможем сказать: «Берлин — наш!» С этого же момента за нами пойдет и вся Германия, ибо здесь, в Берлине, сидит главный враг, здесь произойдет и решающая битва. С порабощением Берлина была порабощена и вся Германия; в Берлине же должно произойти ее освобождение!

Доклад вызвал оживленную дискуссию. В ответ на замечание одного члена Всеобщего германского рабочего союза (г. Армборста)²⁵ Либкнехт, между прочим, сказал:

«Предыдущий оратор своими рассуждениями показал нам, куда может привести нас отделение социализма от демократии. Для него демократ и буржуа — синонимы, и по этой логике рабочий, естественно, должен быть реакционером.

Полагаю, я вполне доказал, что я не боюсь ни смеха, ни бешеного воя господ членов «рейхстага». Я могу сказать, что я как никто другой, вел себя по отношению к этим господам вызывающе, но я это делал с целью протеста, с тем чтобы высказать свое мнение о «рейхстаге» и обо всем, что с ним связано, а это нельзя делать часто.

При частом повторении такие выступления теряют свою ценность. Я считаю для себя слишком жалкой задачей — проповедовать *pour le roi Prusse* * социалистические теории перед скамьями «рейхстага».

Я отнюдь не думаю, что фактическая борьба должна вестись лишь в политической области. Уже в 1864 г. я выступил публично в защиту *профессиональных союзов* и с тех пор всеми силами способствовал их организации. Однако и здесь всегда следует иметь в виду конечную цель, принцип. В противном случае в пылу борьбы за материальные выгоды, за более высокую заработную плату можно легко забыть о том, что *весь буржуазный способ производства должен быть преобразован и что наемный труд как таковой должен быть упразднен*.

Еще одно замечание. Г-н Армборст полагает, что с течением времени мы получим большинство в «рейхстаге». Лучшим ответом на это может служить маленькое арифметическое вычисление. Мы имеем сейчас в «рейхстаге» 7 «социал-демократов». Представим себе, что в дальнейшем мы при каждом новых выборах будем получать на 7 мандатов больше, чем на предыдущих, — такое предположение было бы для нас, конечно, идеально *благоприятным*. В «рейхстаге» — 297 членов. Таким образом, до того момента, когда мы сможем иметь большинство, т. е. самое меньшее — 149 членов, — должно пройти шестьдесят три года. Так вот, если г. Армборст и его друзья хотят ждать до выборов 1933 г., то пусть они это делают. Мы уже считаем преступлением для социал-демократии *утешительными обещаниями насчет будущего удерживать рабочих от участия в современной политической борьбе*.

ТРАГИКОМИЧЕСКИЙ ЭПИЛОГ

Habent sua fata libelli **

Не только книги, но и речи имеют странные судьбы. Во всяком случае такую странную судьбу имела вышеприведенная речь. Я уже совсем забыл о ней, когда

* Для прусского короля (фр.).

** Книжки имеют свою судьбу (лат.).

в одно прекрасное утро, в августе 1869 г. — не припомню уж точно дня, — почтальон принесит мне посланьице с почтовым штемпелем «Берлин». Допотопный формат и конверт из темно-серой промокательной бумаги сразу выдавали его официальное происхождение. Я с любопытством вскрыл пакет и узнал, что пекий г. *Шюц*, королевско-прусский прокурор, обратил внимание на указанный доклад и открыл в нем, по его заявлению, «поношение королевско-прусского правительства». Согласно записям различных полицейских чиновников высшего и низшего ранга, почтивших своим присутствием собрание 31 мая, я будто бы, между прочим, сказал:

«Современный строй Германии есть лишь результат правонарушения и опирается на силу меча».

Выразился ли я дословно так, этого я сейчас не припомню. Нечто подобное я во всяком случае сказал, а именно сравнил бисмарковский государственный переворот с государственным переворотом, произведенным героем декабря. Так или иначе, г. Шюц, как официального представителя прусского *правового государства in partibus* *, задело слово «правонарушение». Более того, в своем правовом усердии он так основательно забыл, что является гражданином прусского *«воинного государства» in esse* **, что и слова «опирается на силу меча» также показались ему преступными. Впрочем, не желая быть несправедливым к этому господину, я охотно допускаю, что его гнев против меня был вызван исключительно совершенной мной ошибкой, несомненно свидетельствовавшей о моем полном невежестве в военном деле. Моя ошибка состояла в том, что в качестве символа военной силы я взял древнеязыческий и средневековый «меч» вместо современного носителя культуры — «игольчатого ружья». Как бы то ни было, г. Шюц прослушал обязательный курс «логики» и счел пужным доказать это следующим заключением: «Современный строй Германии является результатом политики прусского правительства, а следовательно, отождествление ее с правонарушением представляет собой поношение этой политики». Мысль эту можно было бы выразить еще таким образом: «Современный строй Германии покоится на *политике прус-*

---

* Существующее только на бумаге (лат.).

** Существующее в действительности (лат.).

ского правительства; прусское правительство не может совершить беззакония; правонарушение есть беззаконие, а следовательно, отождествление прусского правительства с грубым правонарушением есть поношение прусского правительства». Или: «Прусское правительство совершило в 1866 г. правонарушение, и оно поступило по праву; но говорить о том, что оно попрало право, было бы неправильно. Либкнехт это сказал — следовательно, он должен быть наказан». На основании этого логического заключения г. Шюц предложил берлинскому городскому суду возбудить против меня следствие по обвинению в нарушении знаменитого § 101 (возбуждение ненависти и презрения). И вот берлинский городской суд, члены которого точно так же прослушали курс логики, извещает меня указанным посланьем в конверте из темно-серой промокательной бумаги о том, что 17 сентября 1869 г. в 10 ч. 45 м. утра я обязан явиться для устного судебного разбирательства в помещение берлинского городского суда (Клостергассе 76, 1-й этаж). «В случае вашей неявки, — грозило посланьем в темно-серой промокательной бумаге, — суд заочно разберет дело и вынесет приговор или же дело будет отложено, и суд распорядится, чтобы вас взяли под стражу и доставили в суд к новому сроку». «Взятие под стражу», «доставление в суд» — это звучало достаточно деловито. Холодный пот выступил у меня на лбу, и хорошо памятный мне со времени моего сидения в берлинской городской тюрьме запах клопов ударил мне в нос. К счастью, однако, я вспомнил старую поговорку: «Нюрнбергцы не вешают никого, даже того, кто поадает к ним в руки» и, воздавая хвалу создателю за то, что Саксония была еще не совсем «аннексирована», бросил посланье в темно-серой промокательной бумаге вместе с другой ненужной макулатурой в редакционную корзину, уложил свой дорожный чемодан и преспокойно отправился в Базель на интернациональный конгресс.

И снова я забыл о своей берлинской речи вместе с посланьем в темно-серой промокательной бумаге. Оказалось, однако, что берлинский городской суд обладал лучшей памятью. Недели через две после моего возвращения из Базеля почтальон принес мне второе посланье в темно-серой промокательной бумаге. По внешности оно было похоже на первое, как одна каска на другую, но по

содержанию кое в чем от него отличалось. Только сознательный или невольный комизм был все тот же. Послание № 2 гласило:

Имнем короля.

В подследственном деле против писателя Вильгельма Мартина Филиппа Христиана Людвига Либкнехта литер Л., № 35 от 1869 года королевский городской суд в Берлине, отделение для подследственных дел, депутация VII по делам о правонарушениях, в заседании от 17 сентября 1869 года, при участии: советника городского суда Мейснера в качестве председателя, графа фон Бредова и Клингнера в качестве заседателей, после устного разбора дела признал, что по смыслу закона литератор Вильгельм Мартин Филипп Христиан Людвиг Либкнехт виновен в поношении правительственных распоряжений и в наказании должен быть подвергнут тюремному заключению сроком на три месяца с возложением на него также и судебных издержек.

Во имя закона.

Обоснование:

В отношении обвиняемого, писателя Вильгельма Мартина Филиппа Христиана Людвига Либкнехта, родившегося 29 марта 1820 года, местожительство имеющего в Лейпциге, вошедшим в законную силу решением королевского городского суда в Берлине присужденного за самовольное возвращение после высылки за границу к трем месяцам тюрьмы, по настоящему делу оповещенного в законный срок и без законного повода не явившегося к разбору дела, каковая неявка должна быть, на основании § 51 указа от 3 января 1849 года, квалифицирована как уклонение от суда,— на основании подкрепленных служебной присягой показаний капитана полиции Бейера и поручика полиции Лидтке следует считать доказанным:

что 31 мая 1869 года в помещении Энгельгардта на Линденштрассе в Берлине имело место публичное собрание Демократического рабочего союза, для наблюдения за которым собранием оба названных свидетеля были командированы; что в этом собрании обвиняемый прочел доклад о политической позиции социал-демократии; что обвиняемый при этом заявил, что, подобно Наполеону во Франции, князь Бисмарк произвел в 1866 году государственный переворот в Германии. В связи с этим обвиняемый заявил дословно следующее:

«Современный строй Германии есть результат грубого правонарушения и опирается на силу меча.»

Принимая во внимание, что обвиняемый под именем «Бисмарк», без сомнения, имеет в виду не одного этого государственного деятеля и не только его лично, а вдохновляемую последним и встречающую одобрение высшего правительства внешнюю политику Пруссии, учитывая, далее, что благодаря этой политике и действиям прусского правительства создан нынешний строй Германии и что, следовательно, обвиняемый отождествляет прусскую политику с грубым правонарушением, приписывая ей в качестве базиса не право, а насилие,— суд, не колеблясь, признал *фактически установленным:*

что обвиняемый 31 мая 1869 года в Берлине *путем публичного поношения стремился возбудить ненависть к действиям и распоряжениям правительства.*

Обвиняемый, таким образом, виновен в правонарушении, предусмотренном в § 101 уголовного уложения.

Принимая во внимание, что обвиняемый высказал свое суждение в публичном собрании союза и что это суждение в высшей степени способно нанести ущерб престижу и авторитету правительства, *особенно среди политически менее развитых людей,*— суд счел *соразмерным наказанием* тюремное заключение сроком на три месяца. На основании § 178 указа от 3 января 1849 года суд счел необходимым возложить на обвиняемого судебные издержки.

Удостоверено печатью королевского городского суда и законом установленной подписью.

Берлин, 17 сентября 1869 года.

Королевский городской суд.

Отделение подследственных дел.

Депутация VII по делам о правонарушениях.

Мейснер

Фикер

(М. П.)

Критику этого судебного решения я предоставляю сатирическому журналу «Kladderadatsch»²⁶, после того как он сбросит с себя лакейскую ливрею и снова станет остроумным. Верно то, что среди «политически менее (чем Шюц, Мейснер, Бредов и Клигнер) развитых людей», каковыми были мои слушатели, вряд ли был хоть один, который способен был бы так бесцеремонно обращаться с логикой и со здравым смыслом, как Шюц, Мейснер, Бредов и Клигнер. Обоснование приговора показывает во всяком случае, что юмористов можно встретить не только на скамье подсудимых, но и в судейских креслах. Если бы я назвал Бисмарка энтузиастом права, разделение Германии — актом, основанным на договоре, меч, игольчатое или крупновское ружье и сражение при Садовой²⁷ — нежной любовной игрой, то веселые «судьи в Берлине» вместо заочного присуждения к трем месяцам представили бы меня к ордену.

Однако одного приговора им было мало. Глушую шутку надо было довести до конца. Для «увенчания дела» требовалось, чтобы я эти три месяца действительно отсидел. Берлинцы обратились поэтому к лейпцигским властям с предложением выдать меня. Однако лейпцигские власти дали берлинцам понять, что в Саксонии таких

шуток не понимают. Несколько озадаченные этим отказом, берлинцы заявили, что сочтут себя удовлетворенными, если я с помощью общеимперского кнута, т. е. закона *о правовой помощи* (Rechtshilfegesetz), буду отправлен на 3 месяца в саксонскую тюрьму. Но при этом с ними случилось маленькое несчастье: они не удосужились *прочсть* тот закон, на который ссылались. И все-таки эта новая шутка была встречена лейпцигскими коллегами более благосклонно. Я скоро заметил, что эти последние весьма склонны водворить меня в здешнюю окружающую тюрьму. И действительно! Было принято такое решение. Против этой недружелюбной попытки аппексии мой адвокат и друг Фрейтаг подал от моего имени следующий протест.

В Королевский Окружной Суд. Здесь.

Королевский городской суд в Берлине обратился в здешний королевский окружной суд с предложением подвергнуть меня тюремному заключению на три месяца, к каковому наказанию я приговорен упомянутым городским судом за приписываемое мне поношение распоряжений правительства.

Королевский окружной суд по непонятным соображениям решил пойти этому предложению навстречу.

Против допустимости образа действий королевско-прусского городского суда и королевско-саксонского окружного суда я выдвигаю, однако, следующее:

1.

Инкриминируемое мне преступление — если бы я его совершил — было бы политическим преступлением, в отношении которого все существующие законоположения о выдаче, аресте и т. д. не могут иметь распространительного толкования.

2.

Согласно прилагаемым при сем под А и В документам, я осужден по обвинению в проступке, предусмотренном в § 101 уголовного уложения, а именно в том, что я путем публичного поношения стремился *возбудить ненависть к распоряжениям правительства*.

Однако по саксонскому уголовному кодексу, указанный проступок не является подлежащим наказанию, после того как при пересмотре уголовного кодекса так называемый «параграф о ненависти и презрении» отменен

3.

Согласно статье 35 саксонско-прусской конвенции от 30 ноября 1839 года — статье, не отмененной союзным законом об оказании правовой помощи, а, напротив, подтвержденной § 45 этого закона, — преступники и другие лица, виновные в нарушении уголовных законов государства, не должны быть выдаваемы теми «государствами», подданными которых они являются, а тут же на месте должны быть преданы суду и подвергнуты наказанию за преступления, совершенные в другом государстве. Поэтому *против указанных лиц не может иметь места заочное судебное разбирательство со стороны судебных инстанций другого государства.*

Как явствует, однако, из приложенного при сем документа В, судебное решение, приведения в исполнение которого прусский городской суд требует ныне от саксонских властей, основано на заочном разборе дела, который в отношении ко мне является незаконным.

Статья 36 упомянутой конвенции не применима в данном случае; эта статья, напротив, доказывает незаконность требования берлинского городского суда.

4.

Согласно § 25 союзного закона об оказании правовой помощи *выдача не должна иметь места*, если инкриминируемое деяние является политическим преступлением или если это деяние по законам того входящего в союз государства, на территории которого находится осужденный, не наказуемо.

Оба условия в данном случае налицо. Поскольку, далее, в § 27 этого закона сказано:

«Если выдача в соответствии с указаниями § 25 пп. 1 и 3 не имеет места, следствие в случаях, когда по законам этого государства указанное деяние не подсудно другому суду, должно быть пачато в том государстве, на территории которого находится обвиняемый, и именно тем окружным судом, в округе которого обвиняемый проживает»,

— то и отсюда в подтверждение приведенной выше 35-й статьи конвенции ясно, что заочное судебное разбирательство в отношении меня по поводу инкриминируемого мне преступления не имело законного основания; что ни один саксонский суд не имеет права приводить в исполнение приговор, постановленный на основании этого судебного разбирательства, и что королевско-прусский прокурорский надзор может возбудить против меня обвинение лишь в том судебном учреждении, которому я подсуден, а именно — в королевском окружном суде округа Лейпцига.

5.

Приведенные выше положения ясны и основаны на совершенно бесспорном правильном истолковании существующих законоположений.

Но если мы даже допустим, что прусские судебные власти, инкриминируя лицам, проживающим в Саксонии, в качестве политических преступлений деяния, ненаказуемые по саксонским законам, могут выносить против этих лиц заочные решения

и саксонские судебные власти обязаны приводить в исполнение такого рода заочные решения, то ведь § 33 упомянутого выше союзного закона ясно говорит, что судебные власти одного из государств союза обязаны приводить в исполнение судебные решения другого из государств союза лишь в том случае, если определяемое этими решениями наказание состоит в наложении денежного штрафа или лишения свободы сроком не свыше четырех недель — следовательно, не в данном случае, где речь идет о наказании тюремным заключением сроком на три месяца.

При этих условиях я считаю свой протест против образа действия берлинского городского суда и здешнего королевского окружного суда вполне обоснованным и прошу королевский окружной суд отклонить требование королевского городского суда, как противоречащее существующим законам. В случае отклонения королевским окружным судом этой моей просьбы прошу считать настоящее мое заявление жалобой на его действия и поставить в известность о направлении этого дела в высшие инстанции моего поверенного, автора сего заявления, которого я сим уполномочиваю на ведение моего дела.

Вильгельм Либкнехт

Лейпциг, 18 октября 1869 г.

Протест возымел свое действие; решение лейпцигского окружного суда было отменено, и берлинскому городскому суду было категорически заявлено, что он между строк закона о правовой помощи прочел то, что обыкновенными глазами нельзя оттуда *вычитать*.

Однако это еще не все. Самое интересное еще впереди.

За потерпевших неудачу «юмористов в судейском кресле» вступился мститель — и весьма могущественный мститель — в лице *прусского правительства*, которое в этом трагикомическом деле представляет, если можно так выразиться, трагический элемент. То, что последовало за этим, окутано мистической тайной, в соблюдении которой одинаково сильно заинтересованы как Берлин, так и Дрезден. Достоверно известно лишь,

1) что *прусское правительство обратилось к саксонскому правительству с предложением возбудить против меня дело — дело по обвинению в поношении союзных учреждений, так как я объявил их продуктом грубого правонарушения и насилия.*

Достоверно известно также,

2) что *саксонское правительство пошло навстречу этому предложению и отдало приказ о возбуждении против меня желательного в Берлине процесса.*

Никогда, пожалуй, ни одно правительство не предъявляло другому правительству более дерзкого требования, и никогда ни одно правительство не проявило по отношению к другому правительству более унижительной покорности.

Представьте себе только, что произошло: в 1866 г. Саксония находилась на стороне Германского союза²⁸ и Австрии; саксонские войска сражались на стороне Австрии против Пруссии. И так как саксонское правительство считало действия Пруссии правонарушением, с которым оно не желало мириться, то на саксонских солдат при Гитшине²⁹ пруссаками по приказу прусского правительства был направлен огонь пушек.

И это же самое прусское правительство потребовало от того же самого саксонского правительства, чтобы последнее преследовало в уголовном порядке простое констатирование этого факта. И саксонское правительство *подчинилось этому требованию!* Саксонское правительство, таким образом, так переусердствовало в изъявлении преданности *новому* союзу, что объявило преступлением свою былую верность *старому* — преступлением столь тяжелым, что одно лишь констатирование того факта, что право в 1866 г. было не на стороне победоносного врага саксонского правительства, а на стороне последнего, должно быть преследуемо в уголовном порядке!

Впоследствии, должно быть, и Дрезден почувствовал все... своеобразие этого процесса. Факт тот, что процесс, начатый саксонским правительством номинально против меня, в действительности же *против самого себя*, т. е. начатый *саксонским правительством 1870 г. против саксонского правительства 1866 г.*, вскоре остановился на мертвой точке, подав лишь два-три раза через большие промежутки слабые признаки жизни, пока, наконец, не был всецело поглощен замечательным «делом о государственной измене», давшим прекрасный повод (с восторгом подхваченный соответствующими мюнхгаузеновскими героями, делающими кирпичи из воздуха) к практическому использованию моей «берлинской речи». Но об этом мне не приходится здесь говорить.

Прощай, читатель, наслаждайся и поучайся той страничкой современности, которую я перед тобой развернул! В заключение приношу мою благодарность веселым берлинским шутникам, неоценимой компании: Шюц, Мейс-

нер, Бредов и Клингнер, за веселый эпизод и доставленное развлечение среди серьезной борьбы. Впрочем, еще не вполне серьезной; наши самые серьезные политические битвы носят еще довольно благодушный характер. По ту сторону Рейна *Сатори*³⁰, по эту сторону — лишь *Губертусбург*³¹.

Или точнее: *пока еще* Губертусбург?

Лейпциг, 7 июня 1872 г., окружная тюрьма.

В. Либкнехт

ПОСЛЕСЛОВИЕ

[К ИЗДАНИЮ 1889 г., ЛОНДОН]

Заключительные слова речи направлены против систематически пропагандируемого в то время, по ныне, к счастью, исчезнувшего из обихода представления, будто путем усердного использования всеобщего избирательного права рабочие в более или менее недалеком будущем смогут получить большинство в «рейхстаге». В отношении *общеимперского* рейхстага, насчитывающего 397 членов, арифметический расчет дает еще менее благоприятные результаты, чем в отношении Северогерманского рейхстага с его 297 членами.

При современных условиях — это надо особенно резко подчеркнуть — *немыслимо, чтобы социал-демократия получила большинство в парламенте. Условия для такой возможности должны быть еще созданы, и мы можем их создать, лишь внушив путем агитации и пропаганды массам наше мирозерцание и развить путем организации наши силы.* Парламентская деятельность для нас не цель, а лишь средство для достижения ее: она должна помочь нам завоевать *вне рейхстага, в народе, силу, достаточно внушительную, чтобы Законодательное собрание не могло противиться справедливым требованиям рабочего класса.*

Относительно упомянутого в моей речи Иоганна Якоби я считаю себя обязанным заявить, что спустя два года, а именно вскоре после того, как я и Бебель были приговорены к двухгодичному заключению в крепость за «измену», которой мы вовсе не совершили, он публично и бесповоротно объявил себя сторонником и членом *социал-демократии.*

То, что я сказал о *мелкой буржуазии*, ныне как будто уже не соответствует действительности, так как немецкие мелкие буржуа целыми толпами перебрались в партию

Аккермана ³², написавшую на своем знамени: «Назад к цеховому строю и к цеховой рутине!» Однако это лишь преходящая душевная болезнь, от которой эти людишки излечатся, лишь только на неизбежном опыте убедятся в том, что чудодейственные напитки социальных знахарей только усугубляют зло и *ускоряют процесс пролетаризации.*

Особое удовлетворение я испытываю от *заключительных слов моей речи.* То, о чем я тогда мечтал, исполнилось в мере, превзошедшей все мои ожидания. Сегодня никому не покажется «пустым бахвальством» наше заявление: «Берлин — наш!»

Мы видим свою цель близкой к осуществлению. Ретроспективный взгляд на 1869 год показывает нам, какие колоссальные успехи мы сделали и как *быстро мы продвигаемся вперед* — вопреки всему. И темп нашего продвижения вперед не замедлится. Напротив. Чем дольше катится лавина, тем быстрее движется она и тем *легче преодолевает она все попадающиеся ей на пути препятствия.*

В. Либкнехт

Декабрь 1888 г.

НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ, НИКАКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ!

Настоящая брошюра не представляет собой доклада, подобно моей первой брошюре о тактике *, однако поводом к ней точно так же послужил сделанный мною этим летом по желанию моих берлинских избирателей доклад, посвященный, в частности, последним баварским выборам в ландтаг, а также вообще вопросу о компромиссах. Настойчивость, с какой с некоторых пор с разных сторон пытаются приблизить нашу партию к буржуазным партиям, в особенности же упорная пропаганда необходимости принять участие в выборах в прусский ландтаг возбудили у некоторой части берлинских избирателей — а возможно, и среди товарищей всей Германии — опасение: уж нет ли в партии таких стремлений, которые если и не ставят прямо своею целью, то все же, несомненно, преследуют цель низвести социал-демократическую партию в лагерь буржуазных партий. Поводом для опасений такого рода явились *покаянные писания Бернштейна* ³³ — торжественное отречение от социал-демократических принципов товарища, который до тех пор считался стражем наших принципов, отречение от социал-демократического лжеучения и признание буржуазного мировоззрения за единственную спасительную веру. Как ни печально *само по себе* сочинение Бернштейна, содержание которого, не давая ни одной новой, самостоятельной мысли, сводится лишь к признанию правильности всего того, что враги социал-демократии в течение десятилетий сто раз твердили против социал-демократии, тем не менее

---

* Имеется в виду брошюра «О политической позиции социал-демократии, в частности по отношению к рейхстагу», Берлин 1893, изд. «Форвертс».

в связи с вносящей путаницу агитацией за участие в выборах в прусский ландтаг, а также в связи со злощастными статьями Isegrim'a³⁴ против системы милиции и в защиту милитаризма нельзя отрицать, что эта книга приобрела *симптоматическое значение*.

И как раз, когда партия в борьбе против каторжного закона и других попыток грубого зажима со стороны господствующей реакции начала забывать истории с Шиппелем и Бернштейном, ожидая основательной чистки от предстоящего партийтага, вдруг пришло известие о состоявшейся в Баварии *политической «делке»*. К «баварским особенностям» мы давно уже привыкли; мы знаем, что к баварским и вообще к южногерманским делам неприменим северогерманский масштаб, и надо удивляться терпению берлинских товарищей, если им приходится в непосредственной близости к столице считаться с такими же «особенностями», хотя и в другом роде, какие могут иметь место только в Баварии. Мы знаем, что там, где к политике примешивается религиозный элемент и где партия центра тормозит нормальное политическое развитие, там *классовое сознание* легко заглушается другими соображениями. И, кроме Баварии, мы уже получали известия о весьма странных избирательных соглашениях. Но то, что произошло на этот раз в Баварии, все же было своего рода новинкой: заключено соглашение по всей форме — не потихоньку, не украдкой, не отдельными товарищами без ведома и за спиной массы — нет, заключено соглашение *между партиями, вождями баварской социал-демократии с вождями баварской партии центра*.

Это событие вызвало большое волнение и стало предметом тягостного напряженного внимания самых широких кругов членов партии. В первый момент было такое изумление и возмущение, которое не поддается описанию. Поскольку в Баварии выборы в ландтаг тоже не прямые, нельзя было тотчас же возбудить протест, так как этим можно было только повредить баварским товарищам, находившимся в самом разгаре борьбы, и, может быть, взвалить на себя тяжелую ответственность. Поэтому вначале имели возможность высказываться одни только баварские защитники «политической сделки». Ясно, что при таких обстоятельствах опасения товарищей, наблюдавших все признаки планомерного и методического втягивания пар-

тии в болото, достигли крайнего напряжения. Берлинские товарищи обратились ко мне. Я рассказал им, почему «Vorwärts»³⁵ еще не высказал своего отношения к баварской политической «сделке», однако, я не скрывал от них, что мои взгляды на компромиссы не совпадают со взглядами всей редакции. Затем я написал статью, которая, несмотря на свой исключительно спокойный тон, была расценена как серьезное нападение против них, и, наконец, развил свои взгляды на собрании союза избирателей VI берлинского избирательного округа. Хотя ради доброго мира я и отклонил предложение выразить порицание баварским товарищам, все-таки за это собрание со стороны баварских партийных товарищей на меня и на берлинских товарищей посыпались жестокие нападки, подчас в довольно резких выражениях. Кто чувствует себя неправым, тот всегда старается шаткость своих доводов прикрыть резкостью тона. Поэтому я всегда принимал грубость моих противников как невольный комплимент и несколько этим не огорчался.

Почти одновременно с баварской «сделкой» во Франции социалист Мильеран³⁶ вступил в реакционное буржуазное правительство, и это послужило поводом к расколу среди французской социал-демократии. Наиболее стойкие из наших французских товарищей — Гед³⁷, Лафарг³⁸, Вайян³⁹, основатели современного социалистического движения во Франции, протестовали против вступления Мильерана в министерство реакционного буржуа Вальдека-Руссо⁴⁰ и известного палача коммуны — Галиффе⁴¹. Наши лучшие товарищи отделились от социалистической парламентской группы, которая, по их убеждению, покинула почву классовой борьбы.

Здесь опасности тактики компромиссов обнаружилось во всем их объеме; когда же в номере «Vorwärts'a» от 28 июля появилась статья под заглавием «Augenblicks-Kartelle» («Временные соглашения»), защищавшая тактику компромиссов, то я решил по поручению товарищей из Берлина и окрестностей написать брошюру, в которой высказываюсь — насколько мне известно, в полном соответствии со взглядами подавляющего большинства берлинских товарищей, — по вопросу о тактике, в частности о компромиссах и избирательных соглашениях, и этим по мере моих сил даю партии случай перед партийтагом представить себе еще раз во всем объеме те последствия,

к которым привел бы разрыв со старой, испытанной тактикой нашей партии.

Говоря здесь о нашей тактике, я оставляю в стороне все внешнее и второстепенное и употребляю это слово в том значении, которое оно имело для нас с самого начала существования нашей партии в противоположность ко всем остальным партиям — в значении *тактики классовой борьбы* — тактики, которая часто изменяла свои формы, но по своей сущности оставалась одной и той же. Это наша *собственная пролетарская классовая тактика*, которая *отделяет* нас от всех других партий, стоящих на почве буржуазного общества, и *исключает нашу с ними общность*.

Настоящая работа написана во время летних каникул, и, в буквальном смысле слова, на ходу: дома, в поле, в горах, в вагоне железной дороги, где придется. Это должно было, конечно, отразиться на ее цельности, но вместе с тем это служит доказательством того, насколько серьезно я отношусь к нашему делу, принося ему в жертву даже время своего отдыха.

В. Либкнехт

Август 1899 г.

Вопрос о компромиссах в той или иной форме занимает нашу партию с первых же шагов ее политической деятельности. Сейчас у меня не хватит времени, да здесь, конечно, и не место давать исчерпывающее изложение истории этого вопроса. Существующие *партийные постановления*, касающиеся вопроса о компромиссах, выразились в резолюциях *Кельнского*, *Гамбургского* и *Штутгартского* партийтагов. Резолюция *Кельнского* партийтага, принятая 28 октября 1893 г., гласила:

«Принимая во внимание, что трехклассная система выборов в Пруссии, являющаяся, по собственному выражению Бисмарка, самой жалкой из всех избирательных систем, делает для социал-демократии *невозможным* сколько-нибудь успешное *самостоятельное* участие в выборах в прусский ландтаг; принимая, далее, во внимание, что *вступление в компромиссы с враждебными партиями противоречит основным принципам, которые соблюдались до сих пор партией при выборах, так как это неизбежно привело бы к деморализации, к раздорам и разногласиям в ее собственных рядах*, — партийтаг объявляет: партий-

ные товарищи в Пруссии *должны воздерживаться от какого бы то ни было участия в выборах в ландтаг.*

Далее, партийтаг постановляет: принимая во внимание, что системы выборов в отдельных государствах представляют собой поистине образец реакционного избирательного закона; что особо плутократический характер трехклассной системы выборов в Пруссии лишает рабочий класс возможности послать своих представителей в ландтаг, — партийтаг предлагает партийным товарищам начать во всех отдельных государствах широкую и деятельную агитацию за введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права в ландтаг согласно требованиям нашей программы».

Три года спустя *гамбургский партийтаг* 9 октября 1897 г. принял следующую резолюцию:

«Решение кельнского партийтага, запрещающее прусским партийным товарищам участвовать в выборах в ландтаг на основе трехклассной избирательной системы, *отменяется.* Участие в ближайших выборах в прусский ландтаг рекомендуется всюду, где обстоятельства позволяют партийным товарищам принять в них участие. Насколько возможно участие в выборах по отдельным округам, этот вопрос решают партийные товарищи соответственных округов в зависимости от местных условий.

Компромиссы и соглашения с другими партиями не могут быть допустимы».

За отмену кельнской резолюции было подано 160 голосов против 50; вся же резолюция в целом была принята 145 голосами против 64 при одном воздержавшемся.

Чтобы устранить всякие сомнения в практическом значении гамбургского постановления после голосования резолюции по частям и в целом, председатель Зингер⁴², в полном согласии с *внесенным Бебелем*⁴³ *предложением*, при отсутствии протестов и при общем одобрении (о чем занесено в протокол) объявил:

«Я констатирую *единодушие* партийтага в том, что на основании принятого здесь постановления *участие в выборах может быть осуществлено лишь путем выставления социал-демократических выборщиков».*

Согласно замечанию Бебеля, *«абсолютно недопустимо»*, чтобы товарищи могли с самого начала голосовать за либеральных выборщиков — такой случай отнесен к категории «компромиссов и соглашений» с другими партиями.

Несмотря на ясный смысл резолюции и на столь же ясное, как и авторитетное разъяснение того ее пункта, который мог бы допустить различные толкования, едва только разъехался партийтаг, как обнаружилось разногласия во мнениях. В резком противоречии с фактами и с точным смыслом протокола стали оспаривать пункт, действительно ли такая оказываемая при первоначальных выборах поддержка либеральных выборщиков со стороны нашей партии является компромиссом, и даже было брошено обвинение, будто партийтаг «был застигнут врасплох» Зингером.

Прошлогодний партийтаг состоялся в Штутгарте непосредственно перед выборами в прусский ландтаг. Но при расхождении во мнениях нельзя было и думать о разрешении этого вопроса, к тому же порядок дня партийтага и без того был переполнен. Поэтому не оставалось ничего другого, как отложить окончательное выяснение этого вопроса до следующего партийтага и ограничиться принятием подходящего для данного случая решения.

5 октября 1898 г. *штутгартский партийтаг единогласно* принял следующую выработанную комиссией резолюцию:

«Участие в выборах в прусский ландтаг при трехклассной избирательной системе не может быть рассматриваемо ни как смотр социал-демократической армии, подобно участию в выборах в рейхстаг, ни как средство достигнуть подсчетом наших голосов морального влияния; на это участие следует смотреть только, как на средство добиться определенных практических результатов, а именно — предотвратить опасность, которая нам угрожает в том случае, если дикая реакция получит большинство в ландтаге. Исходя из этих соображений, партийтаг заявляет, что участие в выборах в прусский ландтаг рекомендуется не для всех избирательных округов, тем более, что ввиду краткости времени, отделяющего нас от выборов в прусский ландтаг, нельзя ожидать такого примирения существующих в настоящее время разногласий по этому вопросу, которое сделало бы возможным единодушное выступление всей партии. При таких условиях *партийтаг предоставляет решение вопроса об участии в выборах товарищам отдельных избирательных округов.* Если в каком-либо округе будет решено принимать участие в выборах и при этом возникнет вопрос о поддержке

кандидатов из буржуазной оппозиции, то такие кандидаты должны быть связаны обязательством отстаивать в случае своего избрания в ландтаг введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, какое существует при выборах в рейхстаг, и решительно бороться в самом ландтаге против всех мероприятий, направленных к дальнейшему ограничению или даже уничтожению существующих народных прав в отдельных государствах. Предложения, касающиеся пункта повестки дня «Выборы в прусский ландтаг», принятием этой резолюции снимаются».

Таково решение штутгартского партейтага. Ясно, что оно носит лишь временный характер и *в вопросе о тактике строго придерживается почвы гамбургской резолюции*. Между тем товарищи некоторых избирательных округов сочли себя вправе вопреки этому постановлению вступать в соглашения с другими партиями, что безусловно является компромиссами в смысле гамбургской резолюции. И недавний случай, имевший место в Баварии, — избирательное соглашение с центром, которое сами участвовавшие в нем товарищи охарактеризовали как «сделку», — показал, что достаточно проникнуть острию оппортунистического клина в партийную тактику, чтобы он тотчас же вошел в нее и целиком.

Для нашей партии и нашей партийной тактики существует лишь *одна законная почва, почва классовой борьбы*, из которой выросла социал-демократическая партия и из которой она только и может черпать силу, чтобы противостоять любому шторму и всем своим врагам. Основатели нашей партии — *Маркс, Энгельс, Лассаль* — настолько глубоко внушили рабочим необходимость классового характера нашего движения, что до самого последнего времени мы не знаем ни одного сколько-нибудь значительного случая отклонения с этого пути. Кельнская резолюция была предложена живущим в Лондоне и в качестве редактора «Социал-демократа»⁴⁴ уважаемым всеми товарищами *Эдуардом Бернштейном*.

Вообще до 1893 г. открыто не поднималось даже и вопроса о возможности и полезности участия в выборах в прусский ландтаг. В начале 80-х годов *франкфуртскими демократами* было негласно предложено совместное выступление социал-демократов с буржуазными демократами для получения одного социалистического

и одного демократического мандата в ландтаге для Франкфурта, но так же негласно, не проникая в широкие круги, это предложение было *отклонено*.

Решающим явилось соображение, что подобное соглашение могло бы ослабить классовый характер партии и что выгоды, связанные с приобретением мандата, далеко не вознаградили бы вреда от соглашения при выборах в ландтаг с партией, против которой мы должны бороться при выборах в рейхстаг.

Важность получения мандата в прусский ландтаг правильно оценивается каждым. Но еще более важное значение признается за тем фактом, что своими мандатами партия должна быть обязана *исключительно силам партии*, а не соглашению с партиями, которые на мгновение могут иметь с ними общие интересы, но по своей буржуазной сущности нам враждебны и навсегда останутся враждебными.

Предложение Бернштейна, сводившееся к участию социал-демократии в выборах в прусский ландтаг, встретило мало откликов и вовсе не нашло защитников, так что внесенная и обоснованная Бебелем резолюция *против* участия в выборах была принята *единогласно*.

Совершенно непонятный на первый взгляд факт, что вопрос об участии в выборах в прусский ландтаг через несколько лет снова всплыл и даже возбудил весьма оживленные дебаты, объясняется двумя обстоятельствами. С течением времени взгляды некоторых товарищей на трехклассную систему выборов претерпели известное изменение. С одной стороны, мало-помалу стали забывать, что тонко и последовательно проводимой целью трехклассной системы было — наглухо закрыть доступ демократической мысли и чувству и что начавшаяся почти одновременно с введением этой «самой жалкой из всех избирательных систем» эра капитализма вместе с появлением классово сознательного пролетариата лишила голос социалистически настроенных масс даже и того значения, какое имели прежде голос и выражение воли демократических масс. Как жестоко ошибались многие ораторы гамбургского партийтага относительно сущности трехклассной системы выборов, ясно видно, между прочим, из того, что многие мечтали использовать выборы в прусский ландтаг для *широкой массовой агитации*. Ликуя по поводу успехов, достигнутых при других, также недемократических зако-

нах о выборах в ландтаги, особенно в саксонский, многие забыли, что прусская трехклассная система, с ее *обязательной открытой подачей голосов, заранее фактически устраняет* от участия в выборах всех, кто находится в той или иной экономической, социальной и политической зависимости, т. е. огромное большинство населения, и уже одним этим делает невозможными массовое участие в выборах и массовую агитацию.

Оптимистический самообман по отношению к прусской трехклассной избирательной системе заходил настолько далеко, что многие товарищи совершенно серьезно думали, будто мы, социал-демократы, в состоянии собственными силами, без всяких совместных действий или соглашений с другими партиями добиться хотя бы небольшого количества мандатов. Теперь уже никто не убаюкивает себя этими мечтами. *Теперь всякий знает, что, не вступая в компромиссы или предвыборные соглашения, мы не можем получить ни одного мандата в прусский ландтаг.* Иначе обстояло дело два года тому назад, когда партейтаг, в своем большинстве поддавшись влиянию оптимистического самообмана, высказался за участие в выборах в прусский ландтаг.

Но, к счастью, высший партийный орган вспомнил о происхождении и сущности нашей партии и решительным запрещением всяких компромиссов и соглашений с другими партиями пытался не дать этому самообману привести к действиям, которые причинили бы вред партии и повели бы ее по ложному пути.

Гамбургское постановление называли противоречивым и нелогичным. И это справедливо, ибо, если партия, как и прежде, отвергала всякие компромиссы и избирательные соглашения с другими партиями, ей не было никакого смысла отменять кельнскую резолюцию. Создавшееся противоречие, как я уже отмечал, объясняется тем, что часть партии заблуждалась или была введена в заблуждение относительно природы прусского трехклассного избирательного закона.

Но делать из этого противоречия вывод, как это фактически и случилось, будто партия придавала *большее* значение своему желанию принять участие в выборах в прусский ландтаг, чем отрицательному отношению к компромиссам, а потому, если и существовало противоречие, оно якобы было снято безоговорочным участием в выборах

и отменой запрещения компромиссов и соглашений, — делать подобное заключение — значит обнаружить так же мало логики, как и уважения к принципам и истории партии.

Конечно, в известных кругах партии — и тут я перехожу ко второму моменту, которому мы обязаны тем, что вопрос об участии в выборах в ландтаг стал одним из серьезных спорных вопросов партии — в известных кругах существует склонность или, скажем, стремление *покинуть почву классовой борьбы и стать на почву борьбы, общую остальным партиям*. А так как все остальные партии стоят на почве буржуазного общества, то эта общая почва в силу необходимости является почвой буржуазного общества. Я не говорю, что этого хотят все без исключения защитники новой тактики; относительно многих из них я даже убежден, что они этого не хотят. Но другие этого хотят; и не является простой случайностью, что именно Бернштейн первый предложил партии принять участие в выборах в прусский ландтаг. Программе Бернштейна, цель которой — *превращение социал-демократии в буржуазную партию*, эта тактика вполне соответствует; напротив, с точки зрения тех, кто не намерен отрицать или подрывать классовый характер нашей партии, она безусловно лишена всякой логики. И я не колеблюсь повторить мое прежнее заявление, что *жертвовать на практике основными взглядами нашей партии представляется мне делом гораздо более опасным, чем все теоретические блуждания Бернштейна, вместе взятые*. Говорят, что у буржуазных партий отмер политический нерв, что они утратили чувство свободы и справедливости. Это утверждение, безусловно, не лишено оснований и относится не только к последнему времени. За исключением небольшого периода, немецкая буржуазия никогда не имела того, что называется «политическим нервом». Но как бы там ни было, в общем нельзя отрицать, что мы испытываем на себе влияние политических и экономических условий, которые, с одной стороны, способствуют крайнему обострению экономических и политических противоречий, с другой же стороны, *приводят к оппортунистическому опошлению принципов*. К этому в Германии присоединяется еще и *политическая отсталость нашей буржуазии*, следствием чего является полное отсутствие действительно либеральной партии, не говоря уже о партии демократической.

Этот же факт имеет своим естественным следствием и то, что все честные либеральные и демократические элементы буржуазии все больше и больше *тяготеют в сторону социал-демократии, как единственной партии, которая борется в Германии за демократические принципы.* Но вместе с тем эти демократические элементы еще далеко не социалисты, хотя многие из них и считают себя социалистами. Коротче говоря, мы имеем в настоящее время в Германии явление, которое наблюдалось во Франции полвека и более тому назад и внесло не малую путаницу в отношения между французскими партиями, состоящую в том, что часть *радикальной буржуазии идет под социалистическим знаменем, не понимая сущности социализма.* Этот буржуазный социализм, являющийся в действительности лишь *филантропически-гуманистическим радикализмом,* нанес чрезвычайный вред развитию социализма во Франции. Он способствовал обезличению и затушевыванию принципов и ослабил социалистическую партию, потому что ввел в ее ряды такие элементы, на которые в решающий момент нельзя было положиться.

В своем сочинении «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» * *Маркс* дал характеристику этого буржуазного социализма, сохранившую все свое значение и для нас. И если бы немецкая социал-демократия, *достигшая таких удивительных успехов и такого поразительного роста* именно благодаря тому, что она *неотступно держалась почвы классовой борьбы,* вдруг повернула назад и впала бы в те самые ошибки, *предотвращение* которых составляло гордость и величие нашей партии и *вознесло немецкую социал-демократию на вершину международной социал-демократии всех стран,* то это значило бы для нее уклониться и бесповоротно сбиться с пути.

Уменьшение боязни и нерасположения к нам со стороны буржуазных кругов, само собой разумеется, приводит в наши ряды буржуазные элементы. До тех пор, пока этот процесс происходит в незначительных размерах, он не представляет никакой опасности, так как буржуазные элементы подавляются пролетарским большинством и постепенно им поглощаются. Иначе обстоит дело, когда буржуазные элементы настолько многочисленны и влиятельны в партии, что растворение их затрудняется

---

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, изд. 2, стр. 5—110.*

и может даже возникнуть опасность оттеснения пролетарских элементов на задний план. Для немецкой социал-демократии вследствие отсталости нашей буржуазии такая опасность обуржуазивания возникает в двух направлениях. В то время как, с одной стороны, демократические элементы буржуазии, не находя в политическом отношении удовлетворения в пределах своего класса, притекают к нам в большем количестве, чем это имеет место в странах с нормально развитой буржуазией, с другой стороны, наше небуржуазное, хотя и капиталистическое по своему духу правительство прибегло к *государственному социализму*, который в действительности является, конечно, *лишь государственным капитализмом*, но для тех, кого можно подкупить внешним сходством и громким названием, все же представляет собой нечто соблазнительное и способное совратить с правильного пути. Немецкий, или, точнее, прусский государственный социализм, идеалом которого является казарменно-полицейское государство, больше всего ненавидит демократию. Господа Каницы⁴⁵ и компания клянутся, будто они — самые настоящие и радикальные социалисты, только о демократии они не желают ничего знать. В демократии они видят врага. Для них она является чем-то специфически буржуазным, а все буржуазное диаметрально противоположно социалистическому. Отсюда делается тот ложный вывод, пользующийся распространением кое-где даже и в социал-демократических кругах, *будто демократия, будучи чем-то буржуазным*, ничего общего не имеет с социализмом, напротив — даже враждебна ему. К тем же ложным выводам ведут и такие общеизвестные заблуждения, как, например, полемика *против милиции* или ошибки *Швейцера*. В действительности демократия не заключает в себе *ничего* специфически буржуазного и нам никогда не следует забывать, что мы являемся не только социалистической партией, но и социал-демократической, потому что мы поняли, что социализм и демократия нераздельны.

Когда в 60-х годах князь Бисмарк хотел привести в движение «Ахерон»⁴⁶ социализма и предложил через Брасса к моим услугам редакцию «Norddeutschen», а затем позднее через Бухера⁴⁷ сделал такое же предложение

Марксу относительно редакции «*Staatsanzeiger'a*»⁴⁸, давая нам полную возможность в любых выражениях защищать социализм со всеми его крайними выводами, то, разумеется, не любовь же к социализму и не понимание социализма руководили при этом князем Бисмарком. Как тогда, так и до самой своей смерти он не имел ни малейшего понятия о социализме, как и вообще никогда не имел понятия о движущих силах политической и общественной жизни. Этот «государственный муж», не столько образованный и знающий, сколько опиравшийся на один лишь опыт и полушулерскую, полукрестьянскую хитрость, жил вне времени и пространства. Указанное предложение, сделанное социалистам, с полной ясностью показало всю лживость уверений Бисмарка, будто бы он всегда считал социал-демократию несовместимой с существованием государства. Бисмарк хотел использовать социализм для того, чтобы с его помощью подорвать и ликвидировать буржуазно-оппозиционный либерализм, главным образом, прогрессистскую партию. Кстати сказать, такой расчет сам по себе уже является неопровержимым доказательством того, что Бисмарк не имел ни малейшего представления о сущности социализма. Неудивительно, что повторилась известная история с учеником чародея. Вызванная им стихия оказалась сильнее власти неумелого заклинателя, и не Бисмарк победил социализм, а социализм победил его. Вопрос о тактике всплыл тогда в первый раз перед нашей партией. Должны ли были мы ценою известных уступок в пользу рабочих оказать поддержку Бисмарку против прогрессистской партии и других противников его политики, в ожидании, когда мы в конце концов станем достаточно сильными для успешной борьбы против него и против воплощенного в его лице юнкерского военно-полицейского государства? Или благоразумие и интересы партии требовали, чтобы мы, используя в интересах рабочего класса борьбу Бисмарка с прогрессивной буржуазией и прочими противниками его политики, в то же самое время боролись против политики Бисмарка и организовали пролетариат в самостоятельную политическую силу с целью подготовить его для завоевания политической власти?

В течение некоторого времени пролетариат колебался, но через несколько лет тактика сближения с бисмарковской политикой, которую отстаивал главным образом *господин фон Швейцер*, была отвергнута всеми немецкими

рабочими и всюду была принята тактика, действующая в партии и по сегодняшний день. Поддерживать и охранять чистоту классового характера социалистической партии, как партии пролетарской; содействовать *посредством агитации, воспитания и организации* ведению победоносной освободительной борьбы; методически бороться против классового государства, в руках которого сконцентрирована вся политическая и экономическая власть капитализма, и в этой борьбе *извлекать для себя возможную выгоду из всех разногласий и конфликтов, возникающих между различными буржуазными партиями*, — такова сущность этой тактики.

В Германии буржуазия не достигла политического господства, как это случилось во Франции и Англии. В то время как английская буржуазия уже два с половиной столетия, а французская — более столетия тому назад покончила со всем средневековым хламом, немецкая буржуазия вообще не была в состоянии произвести *буржуазную революцию* и осуществить в государстве то, что именуется «*буржуазными свободами*». Потеря мировой торговли как следствие открытия Америки и связанный с этим упадок хозяйственной жизни; политическая раздробленность и отсталость Германии; граничащий почти с полным омертвлением упадок национального духа; невероятное развитие династических, враждебных народу и культуре интересов — все это препятствовало расцвету сильной буржуазии. Когда же в 1848 г. представилась запоздалая возможность совершить буржуазную революцию, то даже и тогда у немецкой буржуазии не хватило на это сил. После короткого периода опьянения свободой она снова надела на себя старое ярмо. Из страха перед рабочими, в которых она почуяла новую опасную для себя силу, она стала реакционной, никогда не быв революционной, принесла раскаяние в своих идеалах свободы, казавшихся ей «юношескими дурачествами», и бросилась в объятия политической реакции, преисполненная одним-единственным идеалом: *обогащаться*. Бюргерство исчезло с политической арены и либо стало проявлять равнодушие к политике, либо встало на сторону капитализма. Стать же на сторону капитализма — значит безоговорочно признать и поддерживать правительство, исходя из посылки, что это правительство классового государства, что оно неуклонно защищает интересы капитализма и проводит

их в жизнь. Во избежание недоразумений и неправильного понимания мы должны дать себе ясный отчет в различии между понятиями «буржуазный» («bürgerlich») и «капиталистический». Оба эти понятия, из-за множества значений немецкого слова «бюргер» («Bürger») для нас очень легко смешиваемые между собою, следует строго различать. Во Франции слово «буржуа» («bourgeois»), имевшее в средние века то же значение, что и немецкое «бюргер», с течением времени и по мере экономического развития постепенно приобрело значение *крупной буржуазии*; отсюда и мы, немцы, заимствуем для обозначения последнего понятия французское слово «буржуа», но наряду с ним употребляем также и немецкие слова «бюргер» и «бюргерский» («Bürger» und «bürgerlich»), не проводя между ними различия. Таким образом, возникает путаница выражений, мешающая ясности понимания.

Мы говорим о бюргерском (гражданском) обществе, на самом же деле имеем в виду современное *буржуазно-капиталистическое общество*. Или, наоборот, мы говорим о буржуазном духе, буржуазной свободе, а на самом деле подразумеваем тот демократический дух свободы, который был свойствен бюргерству старого времени, когда оно боролось против юнкерства и духовенства, и который диаметрально противоположен духу капиталистической реакционной буржуазии, состоящей в дружбе с юнкерством и духовенством.

Правильность так называемого *материалистического понимания истории*, считающего политическое развитие зависящим от развития экономического, нигде не проявляется с большей наглядностью и убедительностью, чем на примере того превращения, которое совершилось в течение XIX столетия внутри буржуазии. Можно с полной точностью доказать, что с изменением условий производства изменились и политические воззрения и самое положение буржуазии. Каждый шаг вперед в экономическом развитии был шагом вперед и в развитии классовых противоречий, а также шагом по пути сближения буржуазии с ее прежними врагами — юнкерством и духовенством — и удаления ее от возникшего пролетариата, который для осуществления своего освобождения должен выступить на защиту равенства всех людей и на защиту тех демократических требований, за которые некогда боролась буржуазия. С того момента, когда пролетариат начинает выступать

как класс, обособившийся от буржуазии и по своим интересам враждебный ей, буржуазия перестает быть демократичной. В государствах европейского материка эта реакция характерным образом приходится как раз на тот период, который принято считать периодом революционным *par excellence* (по преимуществу), — именно на эпоху февральской и мартовской *революций*. Противоречие здесь только кажущееся. Февральская революция была запоздалой победой буржуазного идеализма, вызвавшей со стороны буржуазного реализма отпор, оппозицию, реакцию. *Преждевременный взрыв пролетарской революции (июньские дни в Париже), происшедший вслед за запоздалым взрывом революции буржуазной*, показал буржуазии, что победа пролетариата означает гибель капитализма, и тем заставил ее устремиться в лагерь ее исконных врагов. *Во Франции Наполеон* был избран президентом; *в Германии* уже в медовый месяц мартовской революции буржуазия с нетерпением ждала своего спасителя, который должен был изгнать *красный призрак*. Таким образом, та «*черная реакция*», которая сменила у нас в 1849 г. «революцию», была в своей основе лишь истинной сущностью этой «революции», разоблачением фантастически-обманчивой мишуры звонких фраз. При господстве капитализма бюргерство, буржуазия, поскольку она была капиталистической или находилась под капиталистическим влиянием, должна была стать реакционной. И «черная реакция», распространившаяся полвека тому назад по всему европейскому материка, была в такой же степени исторической необходимостью, как и «еще более черная реакция» современного курса зигзагов и каторжных законов, который павязал нам изверившийся в самом себе капитализм.

В Германии, где капитализм достиг развития позже, чем в Англии и Франции, и где ему не предшествовала эра хозяйственного расцвета и политического господства буржуазии, как это было в названных странах, политическое развитие должно было принять иной характер. Там — почва, свободная от средневекового хлама и мусора, здесь же новая жизнь, та же самая новая жизнь, что в Англии и Франции, окружена средневековым хламом и мусором, пробивающийся здоровый побег обвит могильным плющом, который высасывает жизнь из всего, до чего только касаются его присоски, который живет смертью и тлещем и который должен быть вырван с корнем, чтобы

не погибло все здоровое и способное развиваться. И германская буржуазия, которая спала в своем бессилии в то время, когда буржуазия в других странах накладывала на государство свой буржуазный отпечаток, еще и теперь не в силах с корнем уничтожить ядовитый романтический паразит — плещ юнкерства и средневекового варварства.

Это политическое бессилие германской буржуазии в ее прошлом и настоящем, отличающее политическую жизнь Германии от других культурных стран, возлагает на германский пролетариат миссию *выполнить наряду со своими собственными задачами еще и те задачи, которые в свое время не были выполнены нашей буржуазией*. От природы условий зависит тактика. Поскольку буржуазия является капиталистической, мы должны с нею *бороться*; поскольку буржуазия выступает против капитализма и против защищаемой и поощряемой им реакции, мы должны либо оказывать ей положительную поддержку, либо, по крайней мере, не выступать против нее враждебно, за исключением разве случаев, как, например, при выборах в рейхстаг, когда буржуазный и социал-демократический кандидаты оспаривают друг у друга мандат.

Если оставить в стороне историю со Швейцером, то германская социал-демократия сознательно и последовательно проводила тактику, предписанную еще *Коммунистическим манифестом* и заключающуюся в том, чтобы главную борьбу вести против политической реакции; бюргерству, буржуазии, поскольку она еще является либеральной или демократической, оказывать поддержку в ее борьбе против политической реакции и ни в коем случае не становиться на сторону политической реакции в борьбе последней против оппозиционного бюргерства. На это следует обратить внимание в связи с тем, что Бернштейн в своей столь подозрительно прославленной и рекомендованной буржуазными партиями полемической книге против германской социал-демократической партии бросил нам упрек, повторяющий старую, излюбленную выдумку *Евгения Рихтера*⁴⁹, будто бы мы вели одностороннюю борьбу против немецкой буржуазии к прямой выгоде политической реакции и настолько оттолкнули и запугали буржуазию, что она в страхе спряталась под крылышко политической реакции юнкерского военно-полицейского государства. Дальше такого извращения истины некуда идти. Во времена знаменитого «конституционного

конфликта» 60-х годов социалистической партии, которая пользовалась бы каким-либо значением, еще не существовало. Когда в 1864 г. Лассаль пал от пули валахского дворянина Раковица⁵⁰, Всеобщий германский рабочий союз насчитывал 5—6 тысяч членов во всей Германии, да и то на бумаге, в действительности же и того меньше. Эта крошечная кучка, если даже принять во внимание заячью трусость немецкой буржуазии, никак не могла напугать немецкую прогрессистскую партию. И тем не менее она капитулировала перед Бисмарком, даровала ему *безнаказанность* после успешного окончания братоубийственной войны 1866 г. и униженно согнулась под ярмом его власти. Утверждать, что в этом повинна социал-демократия, просто смешно. Правда, Лассаль очень резко нападал на буржуазию, однако в этом отношении он встретил очень мало сочувствия среди немецких рабочих. И хотя Лассаль в своей борьбе против прогрессистской партии, быть может, несколько слишком приближался к бисмарковской реакционной политике, тем не менее не следует забывать, что к началу конституционного конфликта он *был на стороне прогрессистской партии* и отделился от нее только тогда, когда, несмотря на его настойчивые требования, она упрямо отказывалась *серьезно вести борьбу*.

Германская буржуазия — и в этом разгадка ее иначе непонятного поведения — в 1862 г. так же мало была способна совершить буржуазную революцию, как и в 1848 г. и раньше. Она боялась — и это я прямо в лицо сказал в 1863 г. одному вождю прогрессистской партии — она *боялась революции больше, чем реакции*. И Бисмарк, с его циничным презрением к людям и хитростью барышника, очень скоро это понял. Господа прогрессисты «не импонировали ему», и чем наглее он с ними обращался, тем легче ему было обвести их вокруг пальца.

Делать ответственной немецкую социал-демократию за то, что прусская прогрессистская партия изменила делу свободы, — это не только является покушением на историческую правду, но свидетельствует о полном непонимании роли, которую играет немецкая буржуазия, начиная со средних веков.

Я просто сопоставляю два факта. В эпоху конституционного конфликта, когда прогрессистская партия стояла на вершине своего могущества, она была шутя побеждена

только еще начинавшим тогда свою карьеру Бисмарком. В эпоху закона *против социалистов*⁵¹, когда Бисмарк стоял на вершине своего могущества и всеми доступными капитализму средствами осуществлял *диктатуру буржуазии*, он был шутя побежден социал-демократией, имевшей против себя все буржуазные партии. Это показывает нам, *кто может* бороться в Германии против реакции и *кто не может*.

Ничтожество немецкой буржуазии все же не снимает с нас обязанности оказывать ей поддержку во всех тех случаях, когда она энергично выступает против реакции,— поскольку, конечно, от этого не страдают наши собственные интересы. И с тех пор как социал-демократия выступает на арене борьбы в качестве политической партии, она всегда без исключений так и поступала. Что касается лично меня, то достаточно напомнить лишь об одном факте: в 1865 г. я был *сослан* за то, что помешал попытке Бисмарка уничтожить с помощью социалистов прогрессистскую партию, растереть ее в порошок как бы между двумя мельничными жерновами. Я могу сказать, по чистой совести, что во всей своей борьбе против бисмарковской реакции я боролся за буржуазные свободы. И в моей работе о политической позиции социал-демократии, на которую так часто ссылаются, я обрисовал *демократический* характер нашего движения во всяком случае с не меньшей убедительностью, чем это было сделано в последнее время Бернштейном, рекомендуя нам в качестве самоновейшей мудрости то, чем мы занимаемся уже в *течение добрых тридцати лет*.

Я должен сказать несколько слов по поводу моей упомянутой выше брошюры о тактике. Речь, послужившая материалом для этой брошюры, была произнесена мною в 1869 г.— в эпоху *Северогерманского союза, временного положения*, которое не могло оставаться постоянным и должно было окончиться либо крушением всей великопрусской политики Бисмарка, либо же «увенчанием» ее благодаря вступлению в союз всех южногерманских государств, за исключением Австрии. В такое *переходное время* логика фактов предписывала нам *борьбу во что бы то ни стало*. По *наполеоновскому образцу* Бисмарк ввел всеобщее избирательное право *не для того, чтобы утвердить суверенитет народа, а чтобы прикрыть свою деспотическую диктатуру*. Он думал, что сможет так же

направлять по произволу всеобщее голосование в ту или иную сторону при помощи своих ландратов, как это делал Наполеон с помощью префектов. Оно казалось Бисмарку более удобным орудием управления, чем трехклассная система выборов, которая усилила бюргерство, причем два первые тура выборов превратились в своего рода неприступную крепость.

История прусского трехклассного избирательного закона интересна тем, что она с полной ясностью показывает, *как преобразуются благодаря экономическому развитию* даже самые мудреные и хитрые политические учреждения реакции и как они *могут с течением времени превратиться в свою противоположность*. Тонко и хитро рассчитанный на то, чтобы исключить все демократические или оппозиционные элементы, этот закон в течение десяти лет самым безукоризненным образом выполнял свою задачу до тех пор, пока в один прекрасный день экономически окрепшая буржуазия, возмущенная отвратительными оргиями юнкерски-полицейского хозяйничанья, не почувствовала свою политическую силу и не пришла к той мысли, что стоит только ей *захотеть*, и она получит большинство в двух первых турах выборов, а тем самым одержит победу и при выборах депутатов. Мысль претворилась в дело, и князь Бисмарк проклял орудие, которое так постыдно его обмануло: трехклассная система выборов оказалась теперь «самой жалкой из всех избирательных систем», — напротив, всеобщее, равное и прямое избирательное право, это исчадие «безумного 1848 года», прекрасно доказавшее полную свою пригодность в наполеоновской Франции, возвестило своим великолепным блеском *спасение цезаристского государства и общества*.

Таким образом, мы получили всеобщее избирательное право. Но для этого была еще и другая причина. Династически-юнкерская революция сверху, высшим пунктом которой являлась «национальная» политика Бисмарка, оказалась бы висящей в воздухе, если бы ей не было придано по крайней мере хоть некоторое подобие *революции снизу*. *Народ* был нужен, но только в качестве статиста. Лучшей приманки, чем всеобщее избирательное право 1848 г., нельзя было и придумать. Оно *перебрасывало мост между бисмарковской революцией сверху и революцией 1848 г. снизу* и порождало в не критически настроенных массах иллюзию, будто возвеличенная за счет Германии юнкер-

ская полицейски-солдатская Пруссия и является *осуществлением той Германии, о которой мечтала демократия*. Мы знаем теперь, как глубоко вкоренились эти иллюзии: десятилетия самых жестоких хозяйственных неурядиц нужны были для того, чтобы их искоренить.

Но в одном Бисмарк просчитался: он не учел силы революционной идеи. То, что было возможно во Франции после июньского восстания, когда вся буржуазия устремилась в объятия самой дикой реакции, оказалось невозможным в Германии, где государственная власть не была так строго централизована и где выросло вскормленное капиталистическим развитием здоровое *рабочее движение*, которое оказалось достаточно смелым и решительным, чтобы *использовать в интересах пролетариата национальные кризисы и династическую борьбу* и поднять социализм в Германии до степени решающей силы, способной привести его к победе и господству. И на долю немецкого пролетариата, обладавшего тем преимуществом, что он мог извлечь для себя практическую выгоду из опыта рабочего движения других стран, по своему политическому и экономическому развитию стоявших (и стоящих в настоящее время) далеко впереди Германии, выпало исключительное счастье: благодаря своим великим учителям *Марксу, Энгельсу, Лассалю* немецкий пролетариат с самого начала своего выхода на политическое поприще вступил *на почву политической борьбы* и таким образом избежал, с одной стороны, ошибок, свойственных замкнутой *корпоративной организации*, с другой стороны — заблуждений и увлечений *лишенного цели и плана и в своей основе буржуазно-«анархического» революционаризма и революционного фразерства* (Revolutionsmacherei und Revolutionsschreierei).

Хотя в 1867 г., когда только что начало функционировать всеобщее избирательное право, классово сознательной была лишь небольшая часть немецкого рабочего класса, тем не менее он был единственным классом, а социалистическая партия — единственной партией, ясно сознававшими все значение выборов и ценность избирательного права. Последнее даже несколько переоценивалось, но и это оказалось полезным, так как увеличивало энергию.

Если князь Бисмарк мог предаваться надеждам, что ему удастся использовать всеобщее избирательное право в духе наполеоновского плебисцита, а рейхстаг останется,

как я его назвал в 1867 г., «*фиговым листком абсолютизма*», то с превращением Северогерманского союза в Германскую империю политические основания для таких надежд были разрушены. Высший триумф бисмарковской политики заключал в себе и ее крушение, ее банкротство. Солдафонский казарменно-полицейский дух Пруссии, пожалуй, мог бы еще на некоторое время задержать возникновение и рост *самостоятельного народного движения* в пределах Северогерманского союза, но воспрепятствовать ему на расширенной территории Германской империи было уже невозможно. Народная сила не дала себя задуть, а зависть «союзных государей» прусскому могуществу содействовала тому, чтобы древо бисмарковского цезаризма юнкерства не могло разрастись так же высоко, как древо цезаризма наполеоновских префектов. Никакими приманками нельзя было отнять у рабочих *сознание неотделимости социализма от демократии и демократии от социализма*.

«На вопрос о том, — так начал я свою речь в 1869 г., — какую позицию должна занять социал-демократия в политической борьбе, можно легко и уверенно ответить, если мы уясним себе *неразрывную связь между социализмом и демократией*. Социализм и демократия — не одно и то же, но они являются лишь различными выражениями одной и той же основной идеи, они связаны друг с другом, дополняют друг друга и *никогда не могут находиться в противоречии друг с другом*. Социализм без демократии есть мнимый социализм, как демократия без социализма есть лжедемократия. *Демократическое государство — единственно возможная форма социалистически организованного общества*».

Эта истина о неотделимости демократии и социализма служила немецкому рабочему классу самым надежным путеводителем в самых трудных и запутанных политических условиях, с ее помощью были избегнуты опаснейшие подводные камни *государственного социализма*, на который держала направление прусская реакция еще в 40-х годах, ибо ведь и тогда уже существовал идеал казарменно-полицейского государства — *казарменно-полицейский социализм*, называемый красивым словом «государственный социализм»! Вагенеро-швейцеровские софизмы, будто демократия представляет собой нечто «буржуазное» и социализм, решительно выступающий против «буржуазного»

общества, согласно логике должен оказаться якобы недемократическим, хотя и вносили во времена Швейцера путаницу в некоторые головы, все же не нашли доступа в массы рабочих. Теперь этот уже изживший себя ложный вывод вновь выступил на сцену в известных дебатах по поводу милиции, но он не может иметь никакого значения.

Прежде чем идти дальше, мы должны выяснить для себя значение слова *компромисс*, иначе всякие дебаты становятся совершенно беспредметными и безрезультатными, так как каждый может понимать это слово по-своему и, следовательно, для него останутся недоступными аргументы другого. Если под компромиссом понимать согласование теории с практикой, то вся наша жизнь и деятельность является компромиссом; начиная с жизни отдельного человека и кончая жизнью народов и всего человечества, вся история человека и человечества представляет собой в таком случае непрерывную цепь компромиссов. Представление об истории, которое считает, что каждый исторический период можно и должно принимать за *tabula rasa*, т. е. за не отягченное никаким прошлым *чистое* поле деятельности для введения новых хозяйственных форм и нового порядка, в высшей степени ненаучно и находится в самом резком противоречии с опытом. Теория «*tabula rasa*» в наше время все еще маячит, подобно привидению, в головах одних только полицейских политиков, которые утверждают, будто бы мы имеем намерения «разрушить все», что для нас не подходит. Эти господа судят по себе самим, ибо именно они воображают, будто обладают чудодейственной силой, с помощью которой могут «разрушить» все, что создал и создает на своем станке вечный ткач — время, не испрашивая на то разрешения в полицейском участке. Господа авторы закона против социалистов и каторжного закона⁵² своими дурацкими затеями обличают лишь свое безграничное невежество. Органические законы, по которым совершается государственное и общественное развитие, так же нельзя изменить по произволу или лишить силы, как нельзя изменить законы роста и развития животного или растения. Кто насильственно на них посягает, тот может только тормозить и разрушать, что издавна и является уделом полицейских политиков. То, что эти ничтожества, именующие себя «государственными мужами», говорят о нас, социал-демократах,

будто бы мы не можем ничего создать и способны лишь разрушать,— является лишь отражением их собственного образа действий. Из бесчисленного множества грехов и преступлений, в которых они нас обвиняют, нет ни одного, которого они не заимствовали бы у самих себя. Я прибавлю к старым примерам новый и напомним еще об одном упреке, который за последние двадцать лет сделался стереотипным: социал-демократию порицают за то, что она ставит своею целью *диктатуру пролетариата*. Истина состоит в том, что в действительности *со времени парижского июньского восстания*, т. е. в течение 51 года, мы имеем на всем европейском материке *фактическую диктатуру буржуазии*. Это диктатура, которая огнем и мечом обрушивается на рабочий класс, которая после июньской бойни дала нам подлую резню и истребление Коммуны и сотни раз устраивала относительно более мелкие кровопускания рабочим; это диктатура, которая *стремится лишить рабочий класс всех прав*, ибо она исключает для пролетариата не только пользование политическими правами, но и правами юридическими; это диктатура, которая дает себя знать во множестве всевозможных исключительных и ограничительных законов и которой мы, немцы, обязаны законом против социалистов, каторжным курсом и приговорами классовой юстиции, каким явился, например, приговор Лебтауеру или Эссенский процесс о нарушении присяги. И если бы «король Штумм»⁵³, теперешний «король» в царстве «социальных реформ», достиг своей цели — *уничтожения всяких рабочих организаций*, то чем была бы такая диктатура в сравнении с диктатурой Мария и Суллы или с диктатурой французского «Конвента» 1792—1794 гг.? Политическая власть, к которой стремится социал-демократия и за которую она будет бороться, что бы ни делали ее враги, имеет целью не достижение диктатуры пролетариата, а *уничтожение диктатуры буржуазии*. Подобным образом и *классовая борьба*, которую ведет пролетариат, является лишь *орудием обороны* от классовой борьбы, которую ведет буржуазия против пролетариата; победоносное окончание этой борьбы пролетариатом означает *прекращение* классовой борьбы в какой бы то ни было форме.

Мы, социал-демократы, знаем, что изменить или лишить силы те законы, по которым совершается политическое и социальное развитие, зависит так же мало

от нас, как и от тех, кто стоит у власти в капиталистическом обществе. Мы знаем, что ввести немедленно социалистическое производство и общественную организацию по своему произволу мы так же бессильны, как был бессилён девять лет тому назад германский император осуществить свой *февральский указ*⁵⁴ против тех, кто вел классовую борьбу в пользу капитализма. Поэтому мы можем с усмешкой и равнодушием смотреть на все попытки наших противников насильственно задушить рабочее движение — мы всегда были уверены и остаемся уверенными в своем успехе, как в решении математической задачи. Но мы знаем также, что преобразование отношений, как процесс органический, совершается хотя и непрерывно, но постепенно и без разрушения существующего: устранение отмершего не есть разрушение, разрушить же существующее, жизнеспособное даже и вообще невозможно. Особенно ясно мы это видим на примере французской революции, проведение которой отличалось наибольшей планомерностью, наибольшей энергией из всех политических переворотов, и все же после «золотого времени» идеологического блуждания в потемках и фантастически-утопических иллюзий пришлось считаться с действительностью и связать новое со старым. В момент первого натиска иногда устраняют то, что еще способно к жизни, но история нас учит, что даже самые революционные и самые деспотические правительства в силу логики вещей в конце концов были вынуждены повернуть назад и признать, хотя и в другой форме, то, что было устранено неправильно, механически. Коротче говоря, исторически существующая действительность представляет собой, как правило, результат *компромисса между прошлым и будущим*.

Итак, отвергать компромисс в этом смысле слова — явилось бы теоретической бессмыслицей. И было бы *практической* глупостью, если политическая партия отказалась бы извлечь для себя выгоды из благоприятной конъюнктуры (да простят мне это выражение дельцов) в политической жизни и не использовала бы в своих интересах борьбу различных партий. Этого требует простая житейская мудрость — принципы здесь ни при чем, ибо мы не берем никаких обязательств, и было бы тупоумием *не делать* того, что нам подсказывает разум. Если мы, социал-демократы, иногда голосуем в рейхстаге по некоторым

социально-политическим вопросам вместе с консерваторами за правительство, а в другом случае по вопросам политическим и торговым голосуем вместе со свободомыслящими против правительства, то это само собою понятное требование политической борьбы, и, хотя оно, несомненно, представляет *компромисс между теорией и практикой*, тем не менее не имеет ничего общего с теми компромиссами, против которых партия неоднократно резко и решительно высказывалась. Партия имела в виду и путем формальных постановлений вменила в обязанность всем товарищам избегать соглашений, договоров, картелей, или, другими словами, *всего того, что заставляет жертвовать принципами или вообще изменяет невыгодным для нас образом отношение нашей партии к партиям буржуазным*.

На последний пункт следует обратить особенное внимание, так как в нем вся суть дела. Так, например, во время дебатов об участии в выборах в прусский ландтаг дело шло исключительно об этом пункте, так как никто из товарищей, защищавших такое участие, вовсе не хотел жертвовать партийными принципами при соглашении с прогрессивистской партией, хотя и не следует упускать из виду, что тактические вопросы чрезвычайно легко могут превратиться в вопросы принципиальные. Если условия и необходимость иногда заставляют нас выступать *совместно* с другими партиями, то это всегда следует осуществлять *без компромиссов*. Я возьму пример *Бельгии*. Там как либеральная, так и социалистическая партии были одинаково заинтересованы в борьбе против партии клерикальной. Обе партии координировали свои действия и шли до известного пункта вместе. Это могло бы обойтись и без сделок. Однако на самом деле сделки, соглашения были. И каковы результаты? Ссора и спор. Сделки оказались совершенно излишними. Как только перейден пункт, до которого простиралась общность интересов и до которого эта общность интересов способствовала общности действий и без всяких сделок, тотчас наступает конец общности действий. Если у рабочих бывает недостаточно развито классовое сознание, то у господ буржуа его, несомненно, достаточно, *классовый инстинкт развит у них гораздо сильнее, чем у рабочих*. И это относится в такой же мере к странам с демократическими законами и учреждениями. Я укажу на разрыв, который произошел между буржуаз-

ными демократами и социалистами в Швейцарии — в этом Эльдorado * Бернштейна, где по его теории классовый антагонизм собственно должен был бы совершенно исчезнуть и где он, однако, как мы знаем, действует с такой же силой, как и в менее демократических странах. Этим, однако, мы все же не отрицаем, что благодаря демократическим учреждениям острота классовой борьбы смягчается.

В Бельгии, с ее свободными учреждениями, с одной стороны, и ее поповским правительством — с другой, избирательные соглашения социал-демократии с буржуазными партиями до сих пор находили для себя благоприятную почву. Во всяком случае здесь наша партия во всех соглашениях, в которые она вступала, имела то преимущество, что ей принадлежала руководящая роль. Ее нельзя было ни эксплуатировать, ни обмануть. И, несмотря на это, наши бельгийские товарищи находят компромиссы нежелательными и товарищ *Вандервельде*⁵⁵ на страницах «Венской рабочей газеты»⁵⁶ приветствовал введение в Бельгии системы пропорционального представительства, как «конец избирательных соглашений». «В классовой борьбе, — писал он, — теперь не будут большие играть роли второстепенные факторы, исчезнут вносящие путаницу побочные обстоятельства, которые так сильно затрудняют для масс понимание истины классовой борьбы». Следовательно, Вандервельде находит, что компромиссы даже там, где они имеют место при самых благоприятных для рабочих условиях и отношениях, оказывают вредное действие тем, что «затрудняют для масс истинное понимание классовой борьбы», другими словами, компромиссы, удаляя от почвы классовой борьбы, лишают рабочих возможности развить во всей полноте свои силы и испытать их в действии, что достижимо только на почве классовой борьбы.

Опасное и вредное влияние компромиссов заключается не в формальных уступках или пренебрежении партийными принципами. В нашей партии едва ли когда-либо могли этого желать. Даже когда наши товарищи во время предпоследних выборов в Эссене «па зло» голосовали при перебаллотировке за «пушечного короля», им и в голову не приходило хоть на одну йоту пожертвовать

---

* Эльдorado — в смысле: страна чудес.— *Прим. пер.*

нашей программой. Опасность и главное зло лежат *не здесь*, а в отказе, в отодвигании на задний план или забвении принципа классовой борьбы, потому что этот принцип является исходным пунктом всего современного рабочего движения. Это необходимо ясно различать и не давать ослеплять себя громкими словами — короче говоря, надо освободиться от фразы — как я уже сказал десять лет тому назад по поводу квазиреволюционной, в действительности же филистерской и реакционной фразеологии «анархизма», этой запоздалой карикатуры буржуазного идеала свободы и театрального маскарада свободной конкуренции лавочников.

Сострадание к бедности, мечтания о равенстве и свободе, сознание общественной несправедливости и желание ее устранить — *все это не социализм*. Осуждение богатства, уважение к бедности, которые мы находим в христианстве и других религиях, — это не социализм. Коммунизм первобытных времен, господствовавший до возникновения частной собственности и рисовавшийся как конечная цель мечтателям всех времен и народов, не социализм. Насильственное установление равенства бабувистов (учеников Бабефа, так называемых *egalitaires* — уравнителей) не социализм.

У всех этих явлений отсутствует реальная основа капиталистического общества с его *классовыми противоречиями*. Современный социализм есть дитя *капиталистического общества и его классовых противоречий*. Без них не было бы социализма. Социализм и этика — вещи разные. Это необходимо твердо понять.

Кто понимает социализм в смысле сентиментальных человеколюбивых стремлений к равенству, не имея представления о сущности капиталистического общества, *тот вовсе не социалист в смысле классовой борьбы, без которой немислим современный социализм*. Конечно, на словах и Бернштейн стоит за классовую борьбу, как гессенский крестьянин за «*республику и великого герцога*». Кто сумел до конца осознать сущность капиталистического общества и понять основы современного социализма, тот знает также и то, что социалистическое движение, которое покидает почву классовой борьбы, может быть чем угодно, но только *не социалистическим движением*.

Эта основная истина классовой борьбы, установленная для современного рабочего движения *Марксом*, — и в

этом заключается его бессмертная заслуга — *составляет главный пункт всех нападок в борьбе, которую ведет буржуазная политическая экономия против социализма*. Она отрицает классовую борьбу и хочет сделать рабочее движение частью движения буржуазных партий, а социал-демократию превратить в один из оттенков буржуазной демократии. Против *классового характера* современного рабочего движения *направляются все усилия буржуазной политической экономии и политики*. Удастся им пробить брешь в этом бастионе, в этой цитадели социал-демократии — *тогда социал-демократия побеждена и пролетариат во власти капиталистического общества*. Пусть вначале это лишь небольшая трещина — враг имеет возможность ее расширить и у него есть уверенность в окончательной победе. Но враг опаснее всего, когда он приближается к крепости *как друг*, как друг прокрадывается в нее. Как друг и союзник (Bundesgenosse).

Врагу, который выступает против нас с открытым забралом, мы шутя дадим отпор, без труда его опрокинем. Глухие и жестокие насилия полицейских политиков, посягательства закона против социалистов, каторжного закона, закона против партий, проповедующих переворот ⁵⁷, могут в нас вызвать чувство презрительного сожаления, но врага, который протягивает нам руку для избирательного соглашения и втирается к нам в доверие, как друг и брат, — такого врага и *только такого мы должны бояться*.

Наша крепость устоит перед любым нападением, ее нельзя взять, вырвать у нас ни штурмом, ни осадой, но она может пасть, *если мы сами откроем врагу ворота и примем его, как союзника, в наши ряды*. Для нашей выросшей из классовой борьбы партии классовая борьба является условием ее существования. С ней и благодаря ей она непобедима — без нее она погибла, потому что погиб источник ее силы. Кто недооценивает это и думает, что точка зрения классовой борьбы не выдерживает критики и классовые противоречия якобы постепенно сглаживаются, тот стоит на почве *буржуазного* мировоззрения.

Нынешний спор о тактике по вопросу об участии в выборах в прусский ландтаг и т. д. сравнивали со спором, возникшим в 80-х годах внутри социал-демократической фракции рейхстага по вопросу о субсидировании немецкого

пароходства. При поверхностном взгляде это сравнение кажется очень удачным, но только до тех пор, пока мы не подошли к самому существу вопроса. Тогда дело шло о применении общепризнанного основного принципа к данному конкретному случаю. Что социал-демократическая фракция должна поощрять интересы немецкого судоходства и торговли, это является таким же общепризнанным фактом, как и то, что она *должна выступать против колониальной политики* и прочих империалистских реакционных домогательств. Спор шел только относительно вопроса, действительно ли субсидирование пароходства служит прежде всего интересам немецкой торговли, которые являются национальными интересами, или же она на руку колониальной политике, которая служит не национальным немецким интересам, а реакционным и общественно вредным частным интересам. Никто и не думал о том, чтобы изменить что-нибудь в старой тактике и направлении партии. В теперешнем же споре дело идет о *полном изменении старой тактики и направления* — о таком изменении тактики, которое означало бы *изменение самой сущности партии*. Речь идет о том, *остаемся мы на позиции классовой борьбы или отказываемся от точки зрения классовой борьбы*, которая отделяет нас от всех буржуазных партий, короче говоря, стоит вопрос о решающем шаге, от которого зависит, останемся ли мы социалистической партией или перейдем в *левое крыло буржуазной демократии*.

* * *

Различия во мнениях по *теоретическим* вопросам для партии не опасны. Для нас не существует никаких ограничений критики, и, как ни велико наше уважение к основателям и первым вождям нашей партии, мы не знаем непогрешимости и не знаем других авторитетов, кроме авторитета *науки*, область которой постоянно расширяется, которая может указать на ошибочность того, что до сих пор считалось истиной, которая разрушает старые, подгнившие основы и создает новые, ибо наука ни минуты не стоит на месте и в своем непрерывном поступательном движении беспощадно отбрасывает старые догматические верования. Еще на Готском объединительном конгрессе, 24 года тому назад, я говорил: «Мы не признаем ни живых, ни бумажных авторитетов».

И когда в 1891 г. в *Эрфурте* я разъяснял и защищал проект повой программы, которая была затем принята единогласно, я указывал, что наша программа именно в силу своей научности, благодаря непрерывному прогрессу науки, окажется в отдельных пунктах отсталой тотчас же, едва мы успеем ее принять. Для каждого, кто знает, что представляет собой наука, само собой ясно, что ни один человек — и Маркс при своем всеобъемлющем и глубоком уме так же, как и всякий другой — не может привести науку к окончательным выводам. Поэтому ни один социалист не имеет права осуждать теоретические нападки на учение Маркса и отказывать кому-либо за это в принадлежности к партии. Иначе обстоит дело, когда такого рода теоретические нападки доходят до ниспровержения основ всего нашего мировоззрения, как это делает, например, Бернштейн. В таком случае необходимо дать резкий отпор.

Но гораздо опаснее теоретических нападков *отступления от наших принципов на практике*. Теоретическими дискуссиями, обстоятельно входя в их существо, занимается лишь сравнительно небольшая часть наших партийных товарищей; напротив, отступления от принципов на практике, тактические нарушения партийной программы касаются каждого партийного товарища, возбуждают внимание и, если их тут же быстро не выправить, вносят путаницу во всю партию. Я думаю, что едва ли кто-нибудь, кто хорошо знаком с условиями и знает нашу партию, мне возразит, если скажу, что внутри партии массой «полемической книге» Бернштейна было уделено мало внимания. Она нашла отклик лишь у тех, кто уже и раньше держался подобных взглядов; главное же внимание она возбудила только среди наших противников, которые увидели в ней осуществление своих старых надежд на возможный раскол партии или даже на поворот всей социал-демократии с музыкой и барабанным боем в буржуазный лагерь. Я бьюсь об заклад, что не найдется и тысячи человек среди наших товарищей, которые прочли бы книгу Бернштейна, и при этом я весьма далек от того, чтобы бросать упрек партии за то, что у нее нет охоты снова расчищать заросли, опять возиться с тем мусором, который основатели социализма почти два поколения тому назад выбросили вон, чтобы открыть путь к социализму. С таким же успехом можно было бы упрекнуть наших товарищей в недостатке любви к научным занятиям за то,

что они не читают больше допотопных статей *Шульце-Делича*⁵⁸, валяющихся где-нибудь в провинциальных городишках в качестве запыленного, залежалого товара.

Взгляните на список тех, кто писал о книге Бернштейна,— вы не встретите ни одного рабочего. Все это товарищи, читавшие и высказывавшиеся по поводу его писаний только по обязанности своей профессии. Напротив, с каким интересом вся партия в целом следит за такими вопросами, как участие в выборах в прусский ландтаг или баварское политическое соглашение, какие оживленные дискуссии вызывают эти вопросы! В этом живом интересе сказывается *зрелость партии*. Для нас уже прошло время теоретических, программных дебатов. Укрепление, усовершенствование, очищение нашей программы мы смело предоставляем науке, которая в современном обществе может быть лишь делом немногих. Но практическое *применение программы, тактика партии есть дело всех*; в этой работе принимают участие все.

Чрезвычайную важность тактики, необходимость сохранить за ней характер классовой борьбы отлично сознавала партия с ее первых шагов. Прочтите протоколы прежних партийтагов 70-х годов и вы найдете, что при решении всех вопросов тактики на первом плане стояла мысль о необходимости *сохранять партию во всей ее чистоте, не допустить ее смешения с другими партиями*; для всех этих партий, как бы они ни отличались друг от друга, как бы они ни враждовали между собой, *общим базисом*, общей основой является почва *буржуазного общества*. Эта *обособленность социал-демократии* от всех других партий, это *отличие в самой сущности*, отличие, в котором наши тупоумные противники находят повод объявить нас вне закона или предлог предать нас *политической анафеме*, составляет нашу гордость и нашу силу.

Еще на гамбургском партийтаге, когда под влиянием целого ряда запутанных обстоятельств масса делегатов, казалось, уже решила порвать со старой тактикой и традициями, в самый последний момент, прежде чем сделать этот скачок в неизвестность, партийтаг опомнился и подавляющим большинством высказался против всяких компромиссов. Это решение в силе и до сегодняшнего дня. Если два или три избирательных округа сочли удобным вступить в блок (*Kartellverhältnis*) с одной из буржуазных партий, то они сделали это за свою собственную ответ-

ственностью и поступили, несомненно, против гамбургского постановления, которое — приходится это повторять — *не было отменено* штутгартским постановлением. Напротив, *берлинские партийные товарищи*, которых сторонники компромиссов обвиняют в нарушении гамбургского решения, добросовестно следовали духу и точному смыслу этого постановления, своей решительной стойкостью поддержали авторитет высшей партийной инстанции и оказали услугу партии.

Защитники тактики компромиссов в большинстве случаев *переоценивают значение парламентской деятельности и парламентских мандатов*. Это вовсе не значит, что я отрицаю огромную пользу парламентской деятельности, но все же она является *не целью*, а лишь *средством* для достижения цели. *И не в числе мандатов* выражается наша сила, *а в числе тех избирателей*, которые за нами стоят.

Не что иное, как *буржуазное собственническое чувство*, приводит к переоценке обладания мандатом; в мандате, как в деньгах, заключается власть — власть превыше всего. Но для того, кто ставит выше всего чистоту и величие нашей партии, мандат имеет ценность лишь постольку, поскольку он помогает обнаружить силу, рост социал-демократии. Что значит десять, сто мандатов, если благодаря их приобретению наш герб, наш щит утратили свой блеск? Ценность мандата сама по себе ничтожна. Но ценность чистоты нашей партии неизмерима. *В ней наша сила.*

Как вместе с отрезанными волосами, являвшимися символом чести мужчины, исчезла сила Самсона, так исчезнет и сила нашей партии, если мы позволим буржуазной Далиле выманить у нас лучшее наше украшение, источник нашей победоносной силы: *чистоту партии, честь партии.*

Нам нельзя поступать так, как поступают другие партии, потому что мы представляем нечто иное, чем остальные партии. Мы отделены от всех других партий незыблемой стеной — повторять это никогда не может быть излишним, — стеной, через которую каждый в отдельности, конечно, может переступить, но, переступив ее, *он уже не является больше социал-демократом.*

«Мы представляем собой нечто иное, чем другие»; то, что для других является необходимостью, условием их существования, то для нас — смерть. Что превратило нас

в Германии в решающую по своему значению партию, образующую, как правильно выразился Каприви⁵⁹ и как тому учит каждодневный опыт, ось, вокруг которой вращается правительственная политика? Уж во всяком случае не наши мандаты в рейхстаге. *Мы могли бы иметь их еще втрое больше, и все же это не вызвало бы тревоги в стане коалиции буржуазных партий.* Нас превратил в такую партию лавиноподобный рост числа наших сторонников, происходящий с правильностью закона природы, или, точнее, силы природы; наши сторонники все прибывают, их число растет изо дня в день, — с десятков тысяч до сотен тысяч и от сотен тысяч до миллионов, вызывая злобу и бессильную ярость наших противников. И этот лавиноподобный рост представляет собой следствие, является результатом нашей *противоположности* всем остальным партиям, результатом нашей борьбы с ними. Каждый, кто беден и обременен непосильным трудом, все, кто страдает от несправедливости и насилий современного *буржуазного общества*, все, в ком возмущено чувство человеческого достоинства, обращают к нам с надеждой свои взоры, как к единственной партии, которая несет им спасение, освобождение. И если мы, противники этого мира, полного несправедливости и насилий, вдруг протянем ему по-братски руку, заключим союз с его представителями, заставим наших товарищей идти рука об руку с теми самыми врагами, преступления которых толкнули эти массы в наш лагерь, — какую смуту произведет это в умах! Как смогут после этого массы верить нам? Если члены партии центра, прогрессистской партии и других буржуазных партий явятся нашими союзниками, *то для чего тогда борьба против буржуазного общества, представителями и защитниками которого они все являются?* Какое право имеем мы тогда вообще существовать? И во всяком случае для сотен тысяч, для миллионов, искавших спасения под нашим знаменем, было бы тогда *огромной ошибкой то, что они пришли к нам.* Если мы ничем не отличаемся от других, значит мы не те, за кого нас принимали, и тогда истинный избавитель еще должен прийти. Это означало бы, что социал-демократия — такой же *лже-мессия*, ничем не лучше других двуличных обманщиков!

Именно в том и состоит наша сила, что мы *не таковы*, как другие, что мы не только представляем нечто иное, чем другие, но и являемся их *смертельными врагами*;

давшими клятву взять штурмом и разрушить до основания Бастилию капитализма, защитниками которой являются все другие без исключений. Поэтому мы только и сильны, пока мы одни.

Я не хочу этим сказать, что мы должны уединиться, изолировать себя. В обществе у нас никогда не было и не будет недостатка, пока длится борьба. С того времени, как социал-демократия перешла от теории к практике, она не признает слов о «единой реакционной массе», так как, будучи в основном верными, они ложны, если понимать их буквально. Мы знаем, что отдельные члены и отдельные части этой «единой реакционной массы» враждуют между собой, и мы всегда использовали эту вражду для наших целей. Мы пользовались *одним противником как средством против другого противника, никогда не давая использовать себя.* Мы боролись против воплощенного в лице юнкера Бисмарка капитализма и милитаризма, и *всякий капиталистический противник Бисмарка служил нам для его ослабления,* являлся ли таким противником партикуляризм или же буржуазная демократия. Но это не были компромиссы или даже «временные соглашения» (Augenblickskartelle), как нет ничего подобного и в том случае, когда мы голосуем в рейхстаге за прогрессистское предложение в противовес юнкерскому.

Такое исключительное положение по отношению к другим партиям является необходимым для немецкой социал-демократии благодаря историческому развитию Германии и особенно благодаря нашим политическим условиям: у нас нет революционной буржуазии, с которой мы временно могли бы действовать вместе, как это было во Франции и Бельгии; у нас нет демократических учреждений, которые позволяли бы социал-демократу заседать в правительстве рядом с представителем какой-нибудь другой партии. В Швейцарии правительство почти сведено до роли простой *администрации*, к тому же выбираемой народом. Там социал-демократ в кантональном правительстве имеет не большее значение, чем социал-демократ в общинном совете. Поэтому в Швейцарии наши товарищи могли, совершенно не колеблясь, защищать хлебную и водочную монополии, так как им не приходится опасаться растраты добытых этим путем средств на враждебные народу и противообщественные цели, как это могло бы случиться в Германии.

Даже и во Франции дело обстоит несколько иначе, чем у нас. Хотя там, безусловно, классовое правительство, правительство классовой борьбы, иногда даже в большей мере, чем в какой-либо другой стране, тем не менее условия так малоустойчивы, влияние демократии, а также и социал-демократии настолько велико, что сколько-нибудь продолжительное злоупотребление правительственной властью в реакционных и противообщественных целях становится невозможным. Вот почему несколько лет тому назад социалист Жорес⁶⁰ мог внести во французскую палату предложение, касающееся хлебной торговли, которое по внешнему виду мало чем отличалось от предложения, внесенного по поводу хлебной монополии в германский рейхстаг аграрием графом Каницем. Но тем глубже было внутреннее различие: *во Франции нет юнкерства*, господствует непосредственно буржуазия, но при условиях, которые лишают ее возможности превратить средства управления — полицию, милитаризм, классовую юстицию — *в цель государства*, что в Германии не только возможно, но и фактически имеет место. Здесь опять, как и на каждом шагу, нас преследует трагическая судьба, выпавшая на долю Германии в исторический период буржуазного развития. Хотя мы и имеем капиталистическое классовое государство в худшем смысле слова, однако буржуазный капитализм господствует лишь косвенно — ему приходится терпеливо сносить тот факт, что чисто католическая, поповская партия — центр — является решающей партией немецкого народного представительства и что прусское юнкерство — этот апахронизм, эта отсталая каста, которая не несет никакой необходимой функции ни в политической, ни в экономической жизни и влачит чисто паразитическое существование, — сумело захватить в свои руки монопольное право на управление страной. Вследствие такого положения социал-демократии в Германии приходится стать во главе борьбы за буржуазную свободу, и, таким образом, на долю немецкого рабочего класса выпадет задача связать с борьбой за *социальное* освобождение борьбу за освобождение *политическое* или, другими словами, наряду со своими классовыми задачами ему приходится доделать то, что в нормально развитых странах давно уже было выполнено буржуазией.

Как с политической силой, с нами считаются все партии без исключения — и притом сообразно нашей силе. Даже самые сумасбродные реакционеры, не признающие за нами права на существование, домогаются нашей благосклонности и своими поступками разоблачают лживость своих речей против нас. Из того факта, что другие партии ищут «союза» (Bundesgenossenschaft) с нами, некоторые товарищи делают странненький вывод, будто мы должны изменить партийную тактику и на место старой политики классовой борьбы со всеми другими партиями поставить «реальную» политику (Geschäftspolitik) сделок, избирательных соглашений, компромиссов. Думающие так забывают, что той силы, которая заставляет домогаться союза с нами даже наших злейших противников, *вовсе не существовало бы без нашей старой тактики классовой борьбы*. Если бы Маркс, Энгельс, Лассаль следовали тактике компромиссов и сближения с буржуазными партиями, то тогда и вообще не было бы никакой социал-демократии, тогда мы изображали бы собой хвост прогрессистской партии. Если же мы из тактических соображений используем раздоры, происходящие между буржуазными партиями, то это само собой понятно. Это практиковалось с тех пор, как существует социал-демократия, и в этом отношении мы никогда не нуждались в советах повоиспеченных государственных мужей партии. Если нам приходилось в отдельных случаях выступать совместно с центром или прогрессистской партией против реакционной правительственной партии, то нашим товарищам это было понятно без специальных разъяснений со стороны нашей партии. И в различных избирательных округах, выступая вместе с центром без избирательных соглашений, мы достигали большего успеха, чем во время последних баварских «торгов». Что хорошо для одного, того не подобает делать другим. Мы, социал-демократы, не можем быть тем, что представляют собой другие партии, ибо они все вместе, все без исключения являются виновными в несправедливостях современного общества и несут ответственность за эти несправедливости. Всякий, кто страдает от этих несправедливостей, видит в нас своего спасителя. Всякому из нас случалось наблюдать, что жертвы современного общества, не находя защиты своих прав ни в судах, ни у правительства, ни у императора, ни у всех других партий, приходят к нам, как к последним и единственным,

кто может оказать им помощь. Они *не знают* нашей научной программы, они не знают, что такое капитал и капитализм, но они питают к нам *уважение*, они *чувствуют*, что мы являемся партией, которая оказывает помощь там, где все другие партии отказывают. *Эта вера* — неисчерпаемый источник силы. Такой же верой отчаяния была вера, которая все больше и больше распространялась в разложившейся *Римской империи*, подтачивала Римскую империю и весь языческий мир и в конце концов низвергла их. Мы лишаемся этого неисчерпаемого источника, когда вступаем в договоры с другими партиями, и говоря, что «*между нами и другими нет существенной разницы*», мы отталкиваем от себя все страждущее человечество. Достаточно один только раз стереть грань классовой противоположности, один только раз вступить на наклонную плоскость компромисса — и *остановиться* будет уже невозможно. Тогда мы будем опускаться все ниже и ниже, до полного падения. В *рейхстаге* мы приобрели поучительный опыт. Практическая политика вынуждала нас приспособляться к учреждениям того общества, в котором мы живем; но каждый новый шаг по пути приспособления к современному общественному порядку был для нас тяжелым шагом, и мы решались на него лишь с большими колебаниями. Это вызвало немало насмешек с разных сторон. Однако тот, кто страшится вступить на эту наклонную плоскость, — во всяком случае более надежный, заслуживающий доверия товарищ, чем тот, кто позволяет себе насмешки над такой осторожностью. Пустые *фразы* о «революции», конечно, смешны. Смешно при каждом случае повторять слова «революция», «революционный» — и никто не высказал этого яснее, чем я сам. Это может превратиться в бессмысленное механическое повторение, похожее на бормотанье молитв или перебиранье четок. Но если смешно хвастливо выставлять на показ свои убеждения и принадлежность к партии при всяком удобном и неудобном случае и подчеркивать это безо всякой необходимости, то подобные крайности не оправдывают того, чтобы мы вместе с водой выплеснули и ребенка, и мы вовсе не должны вообще объявлять смешным всякое подчеркивание революционной сущности нашей партии. Напротив, подчеркивать это — очень важное и даже необходимое дело. Важное и серьезное, потому что принадлежать к социал-демократии — значит

вести борьбу: борьбу *политическую*, сопряженную с жестокими преследованиями, и борьбу *частную, личную* — борьбу за существование, которая для большинства является еще более трудной и тяжелой, чем политическая борьба. Это необходимое дело, потому что мужество для этой двойной борьбы черпается только из сознания того, что все несправедливости общества, которые в настоящее время гнетут, калечат, ведут к гибели огромное большинство людей, могут быть устранены только путем *революционных действий, т. е. таких действий, которые уничтожат главное зло — капитализм со всеми его корнями* — и искоренят его торгашеский дух.

Я знаю, что теперь сделалось модой смеяться над предостережениями от падения по наклонной плоскости. При этом вспоминают басню о волке и пастухе. Но это сравнение сильно хромает и скорее говорит против его авторов. Волк-то действительно в конце концов пришел и ворвался в стадо. Точно так же и в нашем случае опасность, от которой предостерегают, вовсе не воображаемая. И во всяком случае интересы партии охраняются осмотрительными людьми не хуже, чем зубоскалами. Недоверчивость считалась до сих пор демократической добродетелью, а излишняя доверчивость — демократическим пороком. Кто-то теперь, по-видимому, хотел бы, чтобы придерживались противоположного взгляда.

Пролетариат как в политическом, так и социальном отношении находится в резком противоречии к *классовому государству*, ему приходится вести с ним борьбу во всех областях, по всем вопросам: по вопросам внутренней политики и по вопросам политики внешней.

Конечно, не всегда легко найти правильную линию. Там, где интересы не выступают со всею очевидностью, чувство легко позволяет обмануть самого себя. К счастью, для тех случаев, когда сразу трудно решить, какой тактики придерживаться, *верным, безошибочным компасом* нам могут служить *поведение и позиция наших врагов*. Бывают и такие вопросы, по которым мы временно можем быть с ними согласны, но совершенно немыслимо, чтобы дело, которое наши враги отстаивают, как важный или даже жизненный вопрос, могло быть *делом партии*

пролетариата. Поэтому мы *никогда* не ошибемся, если будем делать то, что идет против интересов наших врагов, и, с другой стороны, наши поступки *почти никогда* не будут правильными, если мы будем делать то, что встречает одобрение наших врагов. Историческое развитие представляет собой перманентную борьбу — борьбу интересов, борьбу племен, классовую борьбу. И если даже в денежных делах сердечное благодушие считается неуместным, то тем более неуместно оно в борьбе. Добродушие и сентиментальность в политике — зло. Они *никогда* не приводили к победе, а лишь к бесчисленным поражениям. Блюхеровское правило «вперед на врага!» — лучшее правило также и в политической борьбе.

Скажу еще несколько слов в этой связи. Классовый инстинкт у буржуазии развит гораздо лучше, чем у пролетариата. Господствующий класс, естественно, знает свои интересы лучше, чем класс, находящийся в подчинении, который и по своему положению имеет меньше возможностей уяснить себе свои интересы, а с другой стороны, осознать свои интересы ему систематически — отчасти умышленно, отчасти неумышленно — мешают господствующие классы.

Пусть не говорят, будто слишком грубые формы, в которых часто выступает социализм, являются причиной напуганности и озлобления буржуазии. Это безусловно неверно. Не форма, а содержание социализма отталкивает буржуазию, и чем безобиднее форма, тем опаснее в большинстве случаев кажется господам буржуа его содержание. Утонченность формы для них не имеет большого значения — об этом можно судить по тем способам, какими они сами ведут свою борьбу.

Как не бранили, каких только басен не сочиняли о знаменитой «дубинке Тельке»⁶¹. В действительности же «дубинка Тельке» *никогда* даже и не коснулась ни одного человека. Тактика дубины держалась в Германии в течение десятилетий и до сегодняшнего дня еще совсем не исчезла. Но только те, для кого дубина составляет *ultima ratio* — самый неопровержимый довод, как раз были не рабочие и не социалисты. Эта тактика принадлежит «*благороднейшим представителям нации*», национал-либералам, которые пытались обеспечить свое политическое господство, особенно в Средней и Юго-Западной Германии, организацией карательных батальонов, экзекуторов

(Hurrah brüllenden Knüppelbataillonen), средствами грубого террора, который, однако, развивающаяся социал-демократия в значительной степени искоренила.

Во всяком случае не следует забывать того, что политический инстинкт наших буржуазных противников, коль скоро дело идет об их классовых интересах, заставляет их занимать по отношению к нам враждебную позицию. Классический пример представляет *Бельгия*, где, как уже было сказано, компромисс между социал-демократами и либералами был заключен при самых благоприятных условиях, какие только можно себе представить. Нашей партии в Бельгии, бесспорно, принадлежало руководство, и, следовательно, ей не грозила опасность оказаться обманутой в отношении плодов общего успеха. Ее целью было всеобщее, равное и прямое избирательное право. Но клерикальная партия знает, с кем она имеет дело. Она знает, что вовсе не в классовых интересах буржуазии предоставить всеобщее избирательное право рабочим, которые составляют в современных промышленных государствах большинство населения, и тем обеспечить за ними возможность достигнуть большинства и господства. Поэтому, предлагая *пропорциональное представительство с множественной подачей голосов, т. е. дающее богатым возможность иметь по нескольку голосов*, клерикалы посулили радикальной буржуазии обеспечить и ее долю в государственной власти, если она поддержит их в борьбе против всеобщего, прямого и равного избирательного права. И что же! Не задумываясь ни минуты, *господа радикальные буржуа порвали свой договор с социалистами и теперь борются вместе с клерикалами против всеобщего избирательного права и против социал-демократии.*

Кого и этот пример не может научить, что борьба за освобождение пролетариата есть классовая борьба, тот совершенно безнадежен, и убеждать его — значит напрасно терять время. *Нет ни одной буржуазной партии, на прочную поддержку которой может рассчитывать социал-демократия.* И всякая поддержка, которой мы могли бы добиться в превратностях политической борьбы со стороны буржуазных партий, если мы действуем разумно, *должна предоставляться нам и без компромиссов.* О компромиссах и избирательных соглашениях между партиями можно сказать то же, что и *о договорах между государст-*

вами: точно соблюдаются они до тех пор, пока этого требуют интересы данных партий. Но там, где господином является интерес, там не нужны компромиссы, избирательные соглашения и договоры. Рассмотрим такой конкретный случай: допустим, что приобретение шести новых мандатов в ландтаг имело бы огромное значение для нашей партии в Баварии, тем не менее при силе и влиянии нашей партии мы сумели бы найти пути и средства добиться этих мандатов и без политических компромиссов. Усиливать партию центра при любых обстоятельствах, не говоря уже о принципиальных вопросах, было грубой тактической ошибкой. Это тем более грубая ошибка, что она задерживает процесс разложения, совершающийся внутри самой партии центра. Ее положение прочно до тех пор, пока рабочие, находящиеся в пределах ее влияния, еще не прониклись классовым сознанием, еще не научились ставить свои классовые интересы выше интересов религиозных (процесс, который совершается с естественной необходимостью, ибо он обусловлен самим экономическим развитием, и который мы можем ускорить нашей пропагандой). В Оффенбахском и других избирательных округах наша работа идет настолько хорошо, что большинство католических рабочих на последних выборах голосовало за нас, а не за кандидатов своей собственной партии.

Тактика классовой борьбы не только принципиально является более правильной, она вместе с тем более *действительна и приводит к большим результатам, чем тактика компромиссов.*

Точка зрения полезности, которую выдвигают на первый план защитники *баварского компромисса*, конечно, очень... полезна, но, кроме полезности, существуют и другие факторы, которые необходимо также принимать во внимание. *Чистота принципа, идеализм наших стремлений* — вот факторы, позволяющие с наибольшей силой укреплять наши ряды и вербовать сторонников, факторы, которые дали нам силу для всей нашей борьбы, а нашему учению — силу непреодолимо привлекать к себе всех, кто чувствует себя угнетенным, в ком живет чувство человеческого достоинства. Несомненно, соглашение с центром было очень полезно, оно принесло нам полдюжины мандатов в ландтаг, но не припоминаются ли вам слова Гретхен:

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Проступки я бранила строже всех;
Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне черным ни казался грех,
Я все его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:
А вот теперь и я грешна!

Да, как могли мы, бывало, так смело хулить «политических торгашей», особенно «черных» * торгашей! Мы чернили даже черное и черных. А теперь? Нам нельзя делать всего того, что делают наши противники. Мы не можем жертвовать всем ради выгоды. И то, что является выгодой для наших врагов, для нас — смертельный яд. «Noblesse oblige» ** — говорит о себе дворянин; «socialisme oblige» («социализм обязывает»), — скажем мы.

Если тактика предписывает или хотя бы разрешает объединяться с противниками для достижения при помощи «временного соглашения» минутного успеха, в таком случае Шумахер ⁶² в Золингене действовал в духе оппортунизма только как хороший тактик, когда он в прошлом году при выборах в рейхстаг вступил в союз с прогрессистами, чтобы спасти партию от ...нас. Он вовсе не сделался буржуа — унаси бог, — он только воспользовался помощью буржуазии, чтобы пизвергнуть нас, ложных социалистов и доставить победу истинному социализму, точь-в-точь как Мильеран хотел уничтожить милитаризм при помощи союза с Галиффе и Вальдеком-Руссо. В оправдание своих поступков как Шумахер, так и Мильеран могут привести одни и те же основания. Мы назвали это *изменой партии*.

С ростом социал-демократии, с проникновением ее в такие области, где до сих пор господствовали другие партии, с расширением нашей практической деятельности мы все чаще и чаще входим в *кратковременные связи или отношения* (Augenblicks-Verbindungen oder Augenblicks-Verhältnisse) с другими партиями. Но эти *временные отношения* никогда не должны превращаться во *временные соглашения* (Augenblickskartellen); как партия, мы никогда не можем *связывать себя обязательствами*. Мы должны всегда держаться политики *развязанных рук*: использовать

* «Черными» в Германии называли партию центра.

** Положение обязывает (фр.).

положение, заставить противников работать на нас и, *неуклонно преследуя конечную цель партии*, всегда идти только *своей собственной дорогой*, с другими же партиями действовать сообща лишь в том случае, когда наши дороги случайно совпадают. Но мы ни на одну минуту не должны забывать о том, что мы являемся партией *классовой борьбы*, партией, которая не имеет ничего общего со всеми другими партиями и которая для достижения своей цели должна бороться и победить все остальные партии.

Касаясь случая с *Мильераном* и вопроса о *единстве партии*, я писал по просьбе французских товарищей последнему ежегодному конгрессу французской рабочей партии («марксистов») ⁶³ в Эпернэ:

Друзья!

Вы знаете, что я считаю своим долгом не вмешиваться в дела социалистов других стран. Но так как Вы желаете узнать мое мнение относительно тех *жгучих вопросов*, которыми занимается Ваш конгресс и вся рабочая и социалистическая Франция, и поскольку ко мне обратились также и те из социалистов, Ваших земляков, которые держатся иных взглядов, чем Вы, на этот вопрос, то у меня нет никаких оснований не высказать своего мнения. К тому же обстоятельство, занимающее Вас в настоящее время во Франции, в сущности не чуждо и нам, немцам.

Международный характер социализма есть факт, который с каждым днем все больше дает себя знать и приобретает все большее значение. Мы, социалисты, являемся *особой нацией*, одной и той же *международной нацией* во всех странах мира. Но и капиталисты вместе с их агентами — этим орудием в их руках — и обманутыми простакami (*dupes*) также являются международной нацией, так что мы в самом деле можем сказать: *в настоящее время во всех странах есть только две нации*, которые ведут между собой *великую классовую борьбу*, являющуюся *новой революцией*, — классовую борьбу, которую с одной стороны ведет *пролетариат*, защищая *социализм*, с другой стороны — *буржуазия*, защищая *капитализм*.

И так как капитализм держит в своей власти весь буржуазный мир (*буржуазию*), то в силу необходимости, пока господствует капитализм, все государства являются *классовыми государствами* и все правительства — *классовыми правительствами*, служащими целям и интересам господствующих классов и предназначенными вести *классовую*

борьбу за буржуазию против пролетариата, за капитализм против социализма, за наших врагов против вас, против нас. С точки зрения классовой борьбы, этой основы борющегося (militant) социализма, это истина, относительно которой логика здравого смысла, логика фактов не допускает никаких сомнений. *Социалист, который вступает в буржуазное правительство, либо переходит на сторону врага, либо отдает себя во власть врагу.* Во всяком случае тот социалист, который становится членом буржуазного правительства, отделяет себя от нас, борющихся социалистов. Он может все еще считать себя социалистом, но он более не социалист; он может быть убежденным в своей честности, но тогда он не понял сущности классовой борьбы, не понял, что *классовая борьба есть основа социализма.*

В настоящее время, при господстве капитализма, ни одно правительство, какими бы филантропическими идеями и самыми лучшими намерениями оно ни было одушевлено, не может сделать ничего серьезного для нашего дела. Необходимо предостеречь от всяких иллюзий (самообмана). Еще несколько десятков лет тому назад я сказал: если дорога в ад вымощена добрыми намерениями, то дорога к поражениям вымощена иллюзиями. В современном обществе невозможно некапиталистическое правительство. И тот несчастный социалист, которого случай забросил в такое правительство, если он не хочет предать свой класс, обречен на бессилie. *Английская буржуазия* вот уж сто лет, как усвоила ловкий прием: для того, чтобы парализовать оппозицию, буржуазия предоставляет ей участие в правительстве, и в практике всех правительств Англии установилась *традиция принимать* в состав правительства наиболее радикального члена оппозиции, достаточно наивного, чтобы стать игрушкой в чужих руках. Такой человек служит ширмой для своих «коллег» в правительстве и обезоруживает своих друзей, которые не могут направлять против него свои удары, подобно тому, как в сражении невозможно стрелять в заложников, которых враг выставил впереди себя.

Таков мой ответ на вопрос о вступлении социалиста в буржуазное правительство.

Теперь относительно второго вопроса — *вопроса о единстве и единении.* Ответ на него диктуется принципами и интересами партии. Я стою за единство партии,

за национальное и международное единство партии. Но оно должно быть единством социализма и социалистов. Единство с противниками (Die Einheit mit Gegnern), с людьми, имеющими другие цели и интересы, не есть социалистическое единство. Мы должны стремиться к единству, какой бы цены, каких бы жертв оно ни стоило. Но для того, чтобы мы могли установить согласие и организовать, мы должны избавиться от всех чуждых и враждебных нам элементов. Что сказали бы о генерале, который вздумал бы во вражеской стране пополнять ряды своей армии рекрутами из числа врагов? Разве это не было бы верхом глупости? Вводить же в нашу армию — в нашу партию, которая есть армия для классовой борьбы и классовой войны, вводить противников — солдат с целями и интересами, противоположными нашим, — это было бы безумием, это было бы самоубийством.

На почве классовой борьбы мы непобедимы; если мы покинем эту почву, мы погибли, потому что мы больше не социалисты. Сила и мощь социализма заключаются в том факте, что мы ведем классовую борьбу, что рабочий класс эксплуатируется и угнетается классом капиталистов и что в капиталистическом обществе невозможны никакие сколько-нибудь действительные реформы, которые положили бы конец классовому господству и классовой эксплуатации.

Мы не можем делать из наших принципов предмет торговли, мы не можем вступать ни в какие компромиссы, ни в какие договоры с господствующей системой. Мы должны покончить с господствующей системой, вести с ней борьбу не на жизнь, а на смерть. Она должна пасть для того, чтобы социализм мог победить; ведь не можем же мы в самом деле ожидать от господствующих классов, что они сами нанесут себе и своему господству последний удар. Поэтому «Международное товарищество рабочих» учит рабочих: освобождение рабочего класса может быть только делом самих рабочих.

Несомненно, что есть буржуа, которые из чувства справедливости и человечности становятся на сторону рабочих и социалистов, но это лишь исключение, масса же буржуазии проникнута буржуазным классовым сознанием, сознанием господствующего и эксплуатирующего класса. Более того, масса буржуазии, потому что она представляет собой господствующий класс, обладает даже

гораздо более острым и более сильным классовым сознанием, чем пролетариат.

Я заканчиваю. Вы спросили меня о моем мнении, я его Вам высказал. Вы должны делать то, что Вам повелевают принципы и интересы партии.

Братский привет конгрессу в Эпернэ. Да здравствует Франция социалистов и рабочих! Да здравствует международный социализм!

В. Либкнехт

Веймар, 10 августа 1899 г.

К этому письму мне нечего добавить. События истекшего с тех пор времени подтвердили его. Присутствие одного социалиста в правительстве не помогло ни достигнуть чего-либо, ни воспрепятствовать чему-либо такому, что могло бы быть достигнуто или чему можно было бы помешать и без него. Напротив, социал-демократия, поскольку она допускала или одобряла вступление социалиста в правительство, сделалась ответственной за все преступления и упущения правительства за это время, так как к его составу принадлежал социалист.

Правда, в оправдание или извинение говорят, что дело шло об исключительном положении — о спасении республики, которой в противном случае грозила гибель. Но это не выдерживает критики. Республика во Франции была сохранена не несколькими людьми, находящимися в правительстве, включая социалиста, а *французскими рабочими*, на стороне которых стоит большая часть крестьян и мелкой буржуазии, следовательно, была защищена огромным большинством французского народа, который не даст одурачить себя поам и не потерпит насилия со стороны реакционных капиталистов. *Милитаризм* во Франции *далеко не так силен и не так опасен*, как в Германии, и французская армия в большей степени является «народной армией», чем германская. По своей численности она так же велика, как и германская, хотя население Франции на 15 миллионов меньше населения Германии, и, следовательно, французская армия включает соответственно больший процент населения.

Фактически Франция достигла предела, за которым она должна будет уничтожить прусско-немецкую военную

систему, которую она переняла со времени войны 1870—71 г., и либо заменить современную армию небольшой, хорошо вымуштрованной *армией преторианцев*, как это рекомендовал военный министр генерал Галиффе, либо преобразовать пынешнюю систему в *милиционную* систему со всеобщим вооружением всех способных носить оружие. С подобной армией государственного переворота не произведешь. Если даже часть офицеров еще достаточно реакционна, зато масса солдат слишком тесно связана с народом, чтобы дать себя использовать для государственного переворота.

Если бы в самом деле, как нам было наговорено, при образовании министерства Вальдека-Руссо и Галиффе дело шло о защите республики от государственного переворота, то республиканский образ мыслей французского пролетариата был для правительства достаточной гарантией, во всяком случае несравненно лучшей гарантией, чем присутствие одного социалиста в кабинете.

То обстоятельство, что глава этого министерства был особенно типичным буржуа-капиталистом, а военный министр — одним из самых бесславных врунов и забияк «маленького Наполеона» и одним из самых кровожадных палачей Коммуны, только еще резче подчеркивает всю неестественность действий Мильерана. Но если бы на месте Вальдека-Руссо был даже действительно демократический буржуа, как, например, Бриссон ⁶⁴, а на месте Галиффе — честный солдат, не запятнанный кровью, то и тогда с нашей точки зрения такой шаг был бы, пожалуй, одинаково недопустим. Он только несколько меньше оскорблял бы чувство.

Классовая противоположность и классовая борьба — это факты. Государство, пока существует классовая противоположность и длится классовая борьба, в силу естественной необходимости является классовым государством, и правительство такого государства в силу той же необходимости является классовым правительством. Социалист, который позволяет вовлечь себя и может согласиться стать членом такого правительства, если он сразу не оставил своего классового сознания за дверями кабинета, как магнетанин, входя в мечеть, сбрасывает свои туфли, скоро окончательно его утратит, если у него не хватит мужества воспользоваться первым удобным случаем для конфликта и разрыва.

Меня не интересует теоретический вопрос, мыслим ли вообще такой случай, когда социалист может вступить в несоциалистическое правительство. Подобный случай мог бы иметь место только после какой-нибудь разрушительной для государства катастрофы, например, во время мировой войны, когда правительство классового государства свергнуто и в первый момент не нашлось бы необходимых элементов для немедленного образования социалистического правительства.

Но такого возможного случая во Франции в действительности не было; и в целой Франции едва ли найдутся лица, в меньшей мере призванные «спасти республику», чем господа Вальдек-Руссо и Галиффе. *Социалистическая партия* всегда была, есть и будет единственной по своему призванию спасительницей, стоящей на страже республики, — с Мильерапом или без него.

Гед и Лафарг, главные представители научного социализма во Франции, в статье, направленной против «*министерского*» оппортунистического социализма, показали, в чем состоит различие между деятельностью в избранном народом представительном органе и участием в государственной администрации или даже в правительстве. Государственная власть и правительство суть органы классового господства, которые по своей природе должны функционировать в интересах господствующих классов. Участие же в *выборных* учреждениях (рейхстаге, ландтаге, общинном совете и т. д.), напротив, имеет своим источником *верховную волю народа* (народный суверенитет), которая хотя и испытывает на себе влияние классового господства, *но стоит выше него* и представляет собой единственную силу, способную положить ему конец. Представители социал-демократии в таких выборных учреждениях подобны кускам базальта, которые, выходя из недр земли, пронизывают слои песчаника и шифера; они *выходят из недр народа, являются частью народа* и несут в себе право и силу *народного суверенитета*, значение и права которого превосходит и определяют права всех других сил государства и общества. Они здесь не по милости власть имущих, а *вопреки их воле, вопреки их силе*; они чиповники, да, но *почетные чиповники*, служащие не власти имущим, а *народу*, который их избрал, чтобы они осуществляли его суверенную волю. Вот почему в корне неправильно рассматривать нашу деятельность в рейхс-

таге и других представительных учреждениях как компромисс с господствующей властью. Правда, нам придется работать там вместе с нашими врагами, однако в качестве самостоятельной силы, в осуществление прав, которые даны мандатом, полученным от *народа*. Это не сотрудничество на почве общих взглядов и целей, это деятельность, представляющая собой *борьбу*, взаимное состязание, измерение сил, из сочетания, направления и общей суммы которых по вечному закону параллелограмма сил складывается законодательство и управление.

И если в ходе этой взаимной борьбы и этих битв возникают и изменяются группы участников, происходят кратковременные сближения или объединения, то это в природе вещей; называть подобные временные группировки компромиссами — значило бы играть словами. Вытекающие из этих отношений и обстоятельств, ими обусловленные *совместные действия*, работа и усилия в одном и том же направлении — во всем этом так же нет никакого договора, союза или компромисса, как и во взаимных сочетаниях цветных стекол при встряхивании калейдоскопа. Является ли такой встряхивающей силой чисто механическая сила или сила органического закона, это совершенно безразлично. Это сближение без всяких обязательств, продукты минуты, они порождены минутой и минутой же вновь сметены с пути.

Не менее неправильно сравнивать совместные действия при *перебаллотировках* с предвыборными соглашениями, которые были предложены при выборах в *пруссский* ландтаг и фактически были заключены при выборах в *баварский* ландтаг. Такие совместные действия являются лишь одним эпизодом большого избирательного сражения, которое дает партия, когда за первым главным днем сражения следует дополнительная битва, т. е. повторные выборы депутата, после того, как первое голосование не привело к решению. И если в тех округах, где при перебаллотировках мы выступаем не одни, а помогаем одержать победу *тому* из кандидатов наших противников, избрание которого даст нашей партии наибольшие преимущества, то это лишь самое элементарное требование рассудка. И мне уже приходилось в свое время защищать такую тактику, как естественную и само собой разумеющуюся, между тем как различные господа, мечтающие в настоящее время об участии в выборах в прусский ландтаг, объявляли ее по-

луизменой принципам партии. Если в то время, когда существует или угрожает какой-либо исключительный закон, мы не отдадим при перебаллотировке между двумя буржуазными кандидатами своих голосов за того из них, который является противником исключительных законов, то мы будем просто ослами, заслуживающими дубины. Но ведь это вовсе не компромисс! Мы не связываем себя никакими обязательствами, не жертвуем ни единым принципом, никакими интересами, напротив, мы действуем исключительно в своих интересах, которым мы нанесли бы ущерб, поступив иначе. Эта тактика так проста и естественна, что долго сомневаться в ее правильности можно было только из-за непонятого узкого педантизма, и, поскольку руководство партии пренебрегло тем, чтобы рекомендовать товарищам эту тактику, она была принята на практике через головы партийного руководства, будучи подсказана здоровым инстинктом массы партийных товарищей. И именно от случая к случаю, всякий раз по особому решению. Никаких сделок, никакого плутовства — коротко и ясно: мы идем в наступление, против врага, там же, где сталкиваются между собой два наших врага, из которых один должен получить мандат, мы поражаем более опасного из них обоих. *Только такой и должна быть классовая политика, достойная партии борьбы.*

При перебаллотировках на выборах в рейхстаг мы являемся *борющейся партией*, завоевывающей собственными силами свою долю в народном представительстве и выступающей против всех остальных партий без исключения, *даже и против* тех, членам которых она в своих партийных интересах отдаст свои голоса при перебаллотировках и даст мандат. При выборах в прусский ландтаг мы не можем своими собственными силами получить даже и один мандат; чтобы получить один или несколько мандатов, мы должны обратиться к какой-нибудь буржуазной партии и заключить с ней *сделку*. Будучи при выборах в рейхстаг *самой сильной партией* Германии, при выборах в прусский ландтаг наша партия является *самой слабой* из всех партий, *даже совершенно бессильной*, так как хотя мы и пользуемся *избирательными правами* на основании «самого жалкого из всех избирательных законов», но *лишены возможности выбирать* и можем получить мандат лишь при том условии, что отдадим себя в качестве

голосующего скота в распоряжение одной из буржуазных партий.

Впрочем, при выборах в баварский ландтаг обстоятельства складываются несколько иначе. В Баварии избирательный закон не лишает нас возможности приобретения собственного мандата, но это вовсе не говорит в пользу избирательного компромисса, а, напротив, представляет состоявшуюся этим летом политическую «сделку» еще в худшем свете.

Я не стану теперь касаться оснований, выставляемых вообще против участия в выборах в прусский ландтаг. Деморализация, которая получается благодаря различию позиций при выборах в ландтаг и рейхстаг, путаница в умах, ослабление дисциплины и, что самое главное, *затушевание* свойственного нашей партии *характера классовой борьбы* — на все это уже так часто и с такою убедительностью указывалось, в том числе и мною, что я не стану утомлять читателя повторением.

Еще только одно замечание.

Если бы буржуазия еще обладала жизненной силой, она не нуждалась бы в нашей помощи, чтобы одержать победу при выборах в прусский ландтаг. Первые два тура выборов принадлежат буржуазным избирателям — никто не может оспаривать их большинства, если только они сами не окажутся никуда негодными. Но в таком случае как мы можем им помочь? Разве можно помочь ходить хромоту или пьяному? Можно его поднять, но стоит его только выпустить, как он вновь повалится, как мешок. Перед нами только одна дилемма: либо буржуазия еще политически жизнеспособна, тогда она не нуждается ни в чьей помощи, либо она нежизнеспособна, и тогда всякая помощь ей бесполезна. Да и возможен ли союз с трупом?

Меня осуждали за высказанное мною в газетной полемике мнение, что принятие *нового закона против социалистов* явилось бы меньшим злом, чем *затушевание* классовой противоположности и стирание партийных границ избирательным соглашением с прусской прогрессивистской партией при выборах в ландтаг. Чем больше я над этим думаю, тем тверже убеждаюсь в правоте своих слов. Что было бы с нашей партией, если бы мы из-за угрожающих или угрожающих ей опасностей и потерь позволили

бы выбить себя из колеи наших основных партийных принципов? *Страх*, как говорит пословица, — плохой советчик для людей, для партий же он означает гибель. Страх перед рабочим движением и социализмом политически погубил немецкую буржуазию, и дни социал-демократии тоже были бы сочтены, если бы чувство страха нашло в нас отголосок. Мы не должны вести себя вызывающе, но и не должны пугаться, как бараны, и не должны делать под влиянием страха шагов, не соответствующих принципам, сущности и достоинству нашей партии. Пугливостью и робостью нельзя обезоружить врага, а можно только придать ему храбрости. Это вовсе не значит, что мы должны пытаться головой прошибить стену. Мы желаем и должны быть «практичными». Но разве это когда-нибудь отрицалось, оспаривалось? «Практичными» вопреки заявлениям Бернштейна мы были всегда. Мы всегда считались с действительностью и, имея в виду нашу цель, работали планомерно, целенаправленно. Все сколько-нибудь разумные нововведения в общинах отдельных немецких государств всегда поддерживались социал-демократами или даже ими были предложены. Вспомним только о важнейшей из всех реформ: о *социальной реформе*, проводя которую правительство, чтобы не витать в области воздушных замков, должно было ухватиться за внесенное нами несколько десятков лет тому назад предложение.

Мы можем даже сказать о себе, что мы являемся наиболее практичной, пожалуй, единственной практичной партией — практичной в смысле разумности. Практичен только тот, кто знает органические законы развития и планомерно стремится в согласии с ними к определенной цели. И именно так мы и работаем. Наши противники не знают этих законов или не признают их и хотят подчинить их себе или разрушить. Тот, кто хочет заставить воду течь на гору вверх, разумеется, непрактичен, и именно такую глупую цель ставит перед собой вся работа наших врагов. Нам скажут, конечно, что рабочие не смогут одни достигнуть освобождения рабочего класса, им необходимы помощь и сотрудничество интеллигентных и образованных элементов других классов. Мы и сами можем указать на разного рода полезные для рабочих мероприятия, проведенные или поддержанные буржуазными партиями. Но ведь это пустая софистика, потому что все эти социал-реформистские мероприятия — и в этом вопросе

ссылка на Бисмарка имеет решающее значение, — как они ни незначительны, никогда не были бы осуществлены без инициативы и давления со стороны проникнутого классовым сознанием пролетариата и социал-демократии.

Конечно, Бернштейн полагает, что социализм является последним выводом либерализма. Это было бы самым радикальным спятием классовой противоположности.

Мой прежний союзник *in Communismo*, нынешний имперский канцлер *in re* * — Микель — перевернул это положение: по его мнению, либерализм есть последний вывод коммунизма. А что микелевский либерализм очень близок к консерватизму (в немецком смысле), т. е. к юнкерскому средневековому идеалу крепостничества, это хорошо знает всякий, имеющий глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Нет, социал-демократия должна остаться *сама по себе*, в себе самой искать силы, в себе самой черпать их. Всякая сила *вне нас*, которую мы приняли бы за опору, *ослабила бы нас*. В сознании нашей силы, в уверенности, что социализм призван завоевать весь мир, заключена тайна наших необычайных, почти чудесных успехов.

Ислам был непобедим до тех пор, пока он верил в *одного только себя* и видел врага во всяком немагометанине. Но с той минуты, когда ислам пошел на *компромиссы* и вступил на путь немагометанских, так называемых цивилизованных держав, он утратил свою завоевательную силу. Для ислама не существовало другого выхода. Он не был истинной верой, освобождающей мир. Такой верой является социализм, и социализм не может ни завоевать мир, ни освободить его, если он перестанет *верить только в самого себя*.

Вот почему мы не отступим от старой тактики! Не отступим от старой программы! Всегда идя вперед вместе с наукой и экономическим развитием, мы *являемся* тем, чем мы *были*, мы *останемся* тем, что мы *есть*.

Или... социал-демократия прекратит свое существование.

---

* — на деле.

ПАУКИ И МУХИ

Все вы знаете его — это насекомое с круглым брюшком, с волосатым, липким телом, ткущее в темных углах, как можно дальше от света дня, свои смертоносные сети, запутавшись в которых бедная, неосторожная или легкомысленная муха находит свою гибель. Это безобразное чудовище с круглыми глазами-стекляшками, с длинными, выгнутыми наружу лапками, отменно приспособленными к тому, чтобы схватить и задушить жертву, это чудовище — паук.

Посмотрите, как спокойно и неподвижно сидит он в своем углу, поджидая добычу, когда она приближается к его владениям, или с какой дьявольской ловкостью раскидывает он смертоносную ткань, которая должна будет поймать и беспощадно запутать слабую муху! Отвратительное животное тратит много, часто даже очень много времени на усовершенствование своей сети по всем правилам искусства, чтобы его добыча ни в коем случае не могла ускользнуть. Сперва выбрасывается одна нить; потом две, три — все больше и больше. Он протягивает поперечные нити, соединяет их еще новыми поперечными нитями, чтобы бьющаяся в предсмертных судорогах жертва не могла разорвать сеть, не могла даже стянуть ее.

Наконец ткань готова, силки расставлены, избежать их почти невозможно. Тогда паук удаляется в свое логовище и ждет, чтобы легкомысленная муха, госящая голодом, в поисках пищи подобралась поближе.

Ему не приходится долго ждать, муха быстро прилетает. Отыскивая пищу, бедняжка мечется во всех направлениях, вдруг натывается на раскинутую сеть, с перепугу запутывается в ней, старается устоять, но дело ее пропало.

Как только паук видит, что жертва попалась, он выплзает из засады и с кровожадным взглядом, выпустив лапки, довольно медленно приближается к добыче — торопиться ему некуда: отвратительное создание отлично знает, что злополучному насекомому, раз оно уже попало, от него не уйти. Паук придвигается все ближе, измеряет жертву своими тускло-зелеными глазами навыкате, и этот взгляд отнимает у нее рассудок. Измученная муха все больше трепещет от ужаса; она видит угрожающую ей опасность, пытается высвободиться из опутавших ее нитей, стремится выскользнуть, спастись и выбивается из сил в этих безнадежных, отчаянных попытках.

Но напрасны все старания, тщетны усилия! Сеть опутывает ее все теснее, а паук придвигается к ней все ближе. При всяком движении мухи, старающейся вырваться из сети, в тонких и так целесообразно устроенных петлях которой она запуталась, ее охватывают все новые и новые нити, ее окружают все новые сплетения. В конце концов, задыхаясь и изнемогая, не имея больше сил сопротивляться, она оказывается во власти своего врага, своего ужасного победителя — паука!

И тут-то мерзкое чудовище протягивает к ней волосатые лапы, хватает ее и душит. Потом оно припимается сосать кровь из дрожащего тела своей ослабевшей жертвы — раз, другой, третий, — когда ему захочется, в зависимости от его аппетита. Утолив на время жажду крови, паук оставляет свою жертву, не уморив ее до конца. Потом он возвращается и снова принимается сосать, опять уходит и снова возвращается, пока несчастная муха не уничтожена окончательно, и так до тех пор, пока в ней не останется ни капли крови и жизненных соков. И проходит много, часто очень много времени, пока бедное насекомое не умрет.

Но до тех пор, пока жадный вампир паходит хоть частичку жизненных соков в теле или в трупe жертвы, он не спускает с нее глаз. Он вдыхает жизнь своей жертвы, втягивает в себя ее силу, пьет ее кровь и оставляет ее в покое только тогда, когда с нее уж больше нечего, абсолютно *ничего* взять.

Тогда бедная муха — мертвая, иссушенная, ставшая легче пушилки — выбрасывается. Первый порыв ветра уносит ее с собой, и *все кончено*.

Паук же, насытившийся, удовлетворенный, возвращается в свое логовище; он доволен собой и всем миром и находит, что в нынешнее время порядочным людям в конце концов не плохо живется...

Такой мухой, которую высасывают и убивают, такой мухой, из которой выжимают все соки, чьей кровью живут и насыщаются, являетесь вы, пролетарии города и деревни! Вы, порабощенные народы, вы, работники умственного труда, вы, промышленные рабочие, вы, трепещущие девушки и слабые, угнетенные женщины, не смеющие требовать удовлетворения своих прав, вы, несчастные жертвы войны, — одним словом, все вы, бедные жертвы эксплуатации, которых выбрасывают, когда из ваших жил нечего больше вытянуть; вы, производящие для страны всю ее продукцию, являющиеся ее сердцем, разумом, ее живой силой, вы, которым дано одно только право послушно и безропотно погибать от нищеты в своих жалких углах, между тем как вашей кровью, вашим потом, вашим трудом, вашими думами, вашими жизнями вы их взрастили и вскормили — их, ваших господ и угнетателей: *отвергательных пауков*.

Пауки — это господа, богачи, эксплуататоры, спекулянты, капиталисты, совратители, высшее духовенство, всякого рода туеядцы, все те, кому выгоден произвол, от которого мы стонем, находящиеся у власти заправилы, которые принимают дурные законы, подавляющие нас, тираны, которые превращают нас в рабов. *Пауки* — это все те, кто живет на наш, на народный счет, кто попирает нас ногами, кто с презрением относится к нашим страданиям и издевается над нашими напрасными усилиями, над нашим трудом.

Муха — это бедный рабочий, принужденный подчиняться всем драконовским предписаниям, какие только взбредут в голову работодателю, потому что несчастный не имеет средств и должен зарабатывать на жизнь для себя и для своих близких. *Паук* — это крупный фабрикант, который загребает на каждом из своих рабочих от 6 до 8 марок в день и осмеливается при этом — нет, не осмеливается, а *снисходит* — милостиво жаловать им за 12—14-часовую работу нищенскую плату в 2—3 марки.

Муха — это горнорабочий, жертвующий жизнью в душном воздухе шахты, чтобы извлекать из недр земли сокровища, пользоваться которыми суждено не ему; *паук* — это господин, крупный акционер, совладелец предприятия, акции которого поднимаются в цене вдвое и втрое и который все же постоянно недоволен, так как желает загребать все более и более высокие дивиденды, обкрадывающий рабочих, отнимающий у них то, что добыто их трудом, а если рабочие осмеливаются потребовать хотя бы малейшего увеличения заработной платы, — немедленно взывающий к военной силе, для расстрела «бунтовщиков».

Муха — это ребенок, уже с младенческих лет принужденный тяжело трудиться на заводе, в мастерской, в отчем доме, чтобы помогать родителям заработать на хлеб. *Пауки* не бедные родители, которых нужда заставляет приносить в жертву своих детей, а нынешние гнусные, унижающие человека условия, которые ставят их перед железной необходимостью попирать естественные чувства и разрушать свою собственную семью.

Муха — это честная дочь народа, старающаяся прокормить себя честным трудом, но не находящая работы, если не уступает вожделениям хозяина или директора завода, который пользуется ее безвыходным положением, а потом с холодным бесчувствием выгоняет ее, чаще всего беременную, «во избежание скандала». *Паук* — это юный напыщенный фат, бездельник из «хорошего дома», гранящий мостовую, со смехом совращающий невинных девушек и втаптывающий их в грязь, считающий себя призванным обесчестить как можно большее число женщин.

Муха — это ты, трудолюбивый хлебопашец, возделывающий ниву для богатого помещика, сеющий зерно, которое не ты пожнешь, выращивающий плоды, которыми не ты воспользуешься. *Пауки* — это многоземельные магнаты, заставляющие работать без отдыха и срока бедных половников, батраков и поденщиков, чтобы самим бездельничать, блистать и щеголять, из года в год повышая арендную плату и понижая плату за честный труд.

Мухи — это мы все, бедные и простые люди, издавна трепетавшие у ступеней алтарей, опускавшие голову перед проклятием жрецов, во славу и на потеху попам друг друга побивавшие и порабоцавшие, все те, которые сги-

бали спину, преклоняли колени и позволяли нашим *угнетателям* наслаждаться плодами их насилия и неправоты, ибо мы были духовно обессилены калечащим, парализующим волю влиянием их религиозных учений. *Пауки* — это носители черных подрясников с лживыми и жадными глазами, олетающие своих простодушных прихожан понижающими человека учениями и воспитывающие дух подчинения и покорности, который отравляет души и, как видно на примере Польши, губит целые народы.

Одним словом, мухи — это угнетенные, поработанные, эксплуатируемые, а пауки — это гнусные дельцы и спекулянты, произвол и деспотизм, в каком бы виде они ни попадались на пути первых.

В прежние времена пауки раскидывали свои сети в замках и барских палатах, теперь они предпочитают располагаться в больших центрах промышленной жизни, в богатых обиталищах пынешних счастливиц. Найти их можно преимущественно в фабричных городах, но они забираются также и в деревни и в небольшие местечки; они разводятся повсюду там, где процветает эксплуатация, где рабочий, несущий пролетарий, мелкий ремесленник, батрак, обремененный налогами малоземельный крестьянин безжалостно отданы на разграбление безудержной алчности дельцов наживы, торговцев и предпринимателей.

Безразлично где, в городе или в деревне — повсюду мы видим, как бедные труженики бесплодно бьются в сетях врагов, видим, как они истощаются в борьбе и гибнут.

Какие страшные трагедии разыгрались на протяжении веков в этой борьбе слабых и робких мух против жестоких и кровожадных пауков! То повесть о кровавых страданиях. Но к чему пересказывать ее вновь? Былое прошло, давайте говорить о настоящем и о будущем.

Присмотримся поближе к борьбе, которую ведут в наше время мухи с пауками, узнаем условия, при которых она протекает, разберем-ка мы, мухи, как устроены сети, опять расставляемые против нас нашими врагами, постараемся разгадать их уловки, а прежде всего — *объединимся*, ибо каждый в отдельности мы слишком слабы, чтобы разорвать опутывающие нас сети. Разобьем сковывающие нас цепи, прогоним наших врагов из их логовиц, прольем всюду свет, яркий свет просвещения, чтобы грязная нечисть не могла продолжать в темноте свое преступное дело!

Ах, мухи, мухи, если бы вы только захотели! Стоит вам захотеть, и вы непобедимы! Науки пынче, правда, еще сильны, по их немного; вы же, мухи, правда, не имеете ни значения, ни влияния, но ваша численность неизмерима, вы — жизнь, и вам принадлежит весь мир, стоит вам только *захотеть!* Если бы вы объединились, вы одним взмахом крыльев разорвали бы все нити, разрушили бы все сети, которые вас теперь опутывают, в которых вы бьетесь и погибаете от голода. Нужда и рабство исчезли бы навсегда, *если бы только вы захотели!*

Так научитесь же хотеть!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Северогерманский союз* — союзное государство, созданное после австро-прусской войны 1866 г. В его состав входило 19 германских государств и три вольных города с общим населением в 30 млн. человек. Господствующее положение в союзе занимала Пруссия.—13.

² *Бисмарк Отто, фон Шенгаузен*, князь (1815—1898) — реакционный государственный деятель Пруссии и Германии, глава прусского правительства с 1862 г., первый канцлер Германской империи с 1871 г. по 1890 г. Организатор объединения Германии контрреволюционным путем под главенством Пруссии. Ярый враг рабочего движения, инициатор исключительного закона против социалистов.—13.

³ *Лейпцигский процесс по обвинению в государственной измене* — процесс против В. Либкнехта, А. Бебеля и А. Гепнера, организованный правительством в связи с их выступлениями против аннексии Эльзаса и Лотарингии после франко-прусской войны. Проходил в марте 1872 г. Либкнехт и Бебель были приговорены к 2 годам тюремного заключения.—18.

⁴ *Авгиевы конюшни* — в греческой мифологии конюшни легендарного царя Авгия, которые не чистились 30 лет и были в один день вычищены героем Гераклом; синоним чрезвычайной загрязненности и запущенности.—19.

⁵ *Всеобщий германский рабочий союз* — первая общегерманская политическая организация рабочих, созданная в 1863 г. Первым председателем союза был Ф. Лассаль, после его смерти руководство фактически перешло в руки И. Швейцера. Союз, руководители которого во многих вопросах проводили оппортунистическую политику, существовал до 1875 г., когда на съезде в Готе произошло объединение его с социал-демократической рабочей партией Германии (эйзенахцы) во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом в Социалистическую рабочую партию Германии.—19.

⁶ *Швейцер Иоганн Баптист* (1833—1875) — немецкий адвокат, журналист и писатель, один из ближайших сотрудников Ф. Лассаля и пропагандист его взглядов; в 1867—1871 гг. — председатель

Всобщего германского рабочего союза. Проводил политику соглашения с правительством Бисмарка, которую Маркс и Энгельс называли «королевско-прусским правительственным социализмом». В 1872 г. был исключен из союза в связи с разоблачением его связей с прусскими властями.—19.

⁷ *Якоби Иоганн* (1805—1877) — немецкий публицист и политический деятель, буржуазный демократ. В 1848 г.— один из лидеров левого крыла в прусском Национальном собрании; в 60-х годах — левый прогрессист, активно выступал против Бисмарка. В 1872 г. примкнул к социал-демократической рабочей партии, оставаясь при этом по своим воззрениям на позициях левого крыла буржуазной демократии.—20.

⁸ «*Демократический еженедельник*» («*Demokratisches Wochenblatt*») — еженедельник, выходивший в Лейпциге в 1868—1869 гг. под редакцией В. Либкнехта, орган Народной партии и объединения рабочих союзов, а впоследствии — социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев).—20.

⁹ *Вагнер Герман* (1815—1889) — немецкий реакционный политический деятель и публицист, один из ближайших сотрудников Бисмарка, сторонник так называемого «государственного социализма».—21.

¹⁰ *Кеттелер Вильгельм-Эмануэль* — барон, с 1850 г.— епископ майнцский. Автор книги «Рабочий вопрос и христианство» и других работ по социально-политическим вопросам, основатель реакционного «христианского социализма» в Германии; в начале 70-х годов — член рейхстага, активный деятель партии центра.—21.

¹¹ *Прусский конституционный конфликт* — конфликт между королем и правительством Пруссии, с одной стороны, и большинством ландтага, состоявшим из прогрессистской партии и части либералов — с другой. В 1861 г. правительство внесло в ландтаг проект реорганизации армии и увеличения срока военной службы; большинство ландтага не соглашалось на это увеличение и потребовало контроля над расходованием бюджетных средств, отказавшись в противном случае утвердить кредиты. Правительство провело военную реформу и продолжало осуществлять расходы, не получая согласия ландтага. Конфликт продолжался более пяти лет. После австро-прусской войны и создания Северогерманского союза конфликт окончился полным отступлением большинства ландтага, которое задним числом утвердило расходы правительства за весь период конфликта.—24.

¹² *Прогрессистская партия* — партия, выражавшая интересы значительной части германской буржуазии; основана в 1861 г. ученым Вирховым и мелкобуржуазным кооператором Шульце-Деличем. Выступала за объединение Германии под главенством Пруссии, за пересмотр промышленного законодательства, реорганизацию палаты господ, создание ответственного министерства и некоторые реформы местной администрации. До создания Северогерманского союза пользовалась серьезным влиянием, после австро-

прусской войны большая часть ее откололась, образовав национал-либеральную партию.—25.

¹³ *Политика крови и железа* — так Бисмарк в своей речи в прусской палате депутатов в 1862 г. охарактеризовал свою политику объединения Германии.—26.

¹⁴ *Лассаль Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный публицист и адвокат, примкнувший к рабочему движению; один из основателей Всеобщего германского рабочего союза и первый его председатель, поддерживал политику объединения Германии «сверху», под гегемонией Пруссии, положил начало оппортунистическому направлению в германской социал-демократии.—26.

¹⁵ *Браун Карл* (1822—1893) — реакционный немецкий политический деятель и публицист, в 1867—1887 гг. член рейхстага и прусской палаты депутатов, принадлежал к крупно-буржуазной партии национал-либералов.—27.

¹⁶ *«Большая речь» фон Швейцера* — имеется в виду выступление председателя Всеобщего германского рабочего союза Швейцера в рейхстаге Северогерманского союза 17 марта 1869 г. при обсуждении проекта промыслового устава.—28.

¹⁷ *Трехклассная избирательная система* — система выборов в ландтаг, существовавшая в Пруссии с 1849 г. до революции 1918 г. Согласно этой системе все избиратели делились на три класса, в зависимости от уплачиваемых налогов. Вся сумма налогов, взимаемых с населения, делилась на три равные части. Затем составлялся список всех плательщиков, начиная с плативших наибольшие суммы, т. е. с самых богатых. В первый класс включались наиболее состоятельные лица, во второй — менее состоятельные, а в третий — остальные. Первый класс был самый малочисленный и состоял из богачей, второй класс — более многочисленный, третий — самый большой. Однако каждый из этих трех классов избирал одинаковое число выборщиков, которые уже выбирали депутатов. Таким образом, судьба выборов решалась голосами почти исключительно зажиточной части населения, т. е. имущих классов. Лица, освобожденные от уплаты налогов, вообще были лишены избирательных прав.—31.

¹⁸ *Эвальд Генрих* (1803—1875) — немецкий ученый-востоковед и общественный деятель, сторонник партии ганноверских сепаратистов (вельфы) и противник объединения Германии под главенством Пруссии, депутат рейхстага.—32.

¹⁹ *Гирш Макс* (1832—1905) — немецкий буржуазный экономист, член прогрессистской партии, один из основателей (вместе с Ф. Дункером) так называемых гирш-дункеровских профсоюзов, которые проповедовали идею «классового мира», пытались поставить профсоюзное движение под контроль буржуазии и помешать распространению марксизма среди рабочих.—33.

²⁰ *«Северогерманская всеобщая газета»* («Norddeutsche Allgemeine Zeitung», сокращенно «Norddeutsche») — немецкая ежедневная газета, издавалась в Берлине с 1861 г. по 1918 г., в первый год своего существования проводила буржуазно-демократическую линию, и тогда в ней сотрудничал В. Либкнехт. С 1862 г. перешла в руки реакционных элементов и до 1890 г. субсидировалась Бисмарком.—33.

²¹ *Брасс Август* (1818—1876) — немецкий публицист, в период революции 1848—1849 гг.— буржуазный демократ; основатель и первый (до 1871 г.) редактор «Северогерманской всеобщей газеты»; в 1862 г. перешел в консервативный лагерь и стал ярким сторонником Бисмарка.—33.

²² *«Ответ» Лассалья* — имеется в виду работа Ф. Лассалья «Открытый ответ» («Offenes Antwortschreiben»), написанная 1 марта 1863 г. в ответ на обращение к нему Лейпцигского комитета образовательных рабочих союзов с просьбой сформулировать общие задачи рабочего класса. В этой работе Ф. Лассаль предлагал создать общегерманскую рабочую организацию для борьбы за всеобщее избирательное право мирными методами.—33.

²³ *Микель Иоганнес* (1828—1901) — немецкий буржуазный политический и государственный деятель, во время революции 1848 г.— левый демократ, затем перешел в лагерь реакции, один из лидеров национал-либеральной партии, неоднократно был членом рейхстага; в 1890—1901 гг. прусский министр финансов.—34.

²⁴ *Благополучно проведенная стачка* — имеется в виду стачка плотников в Берлине весной 1868 г., окончившаяся победой рабочих.—38.

²⁵ *Армборст* — член Всеобщего германского рабочего союза.—38.

²⁶ *«Кладдерадач»* («Kladderadatsch») — еженедельный немецкий сатирический журнал, основанный в 1848 г. В первые годы своего существования высмеивал старые полуфеодалские порядки, впоследствии перешел в руки реакционных элементов и стал пользоваться покровительством Бисмарка.—43.

²⁷ *Сражение при Садовой* — крупнейшее сражение австро-прусской войны 1866 г., закончившееся поражением австрийской армии и решившее исход войны в пользу Пруссии.—43.

²⁸ *Германский союз* — объединение 39 германских государств, созданное в 1815 г. Венским конгрессом. Руководящую роль в союзе играла Австрия; во время австро-прусской войны значительная часть государств — членов Германского союза — сражалась на стороне Австрии.—47.

²⁹ *Битва при Гитшине (Ичин)* — сражение прусских войск с войсками союзника Австрии — саксонского принца Альберта — около города Гитшин (Ичин) в Чехии в 1866 г., окончившееся поражением и дальнейшим отступлением австро-саксонских войск.—47.

³⁰ *Сатори* — тюрьма около Версаля, где в 1871 г. происходили зверские казни участников Парижской коммуны.—48.

³¹ *Губертусбург* — тюрьма, в которой А. Бебель и В. Либкнехт отбывали заключение после их осуждения в 1872 г. на Лейпцигском процессе (см. прим. 3).—48.

³² *Анкерман Карл Густав* (1820—1901) — немецкий реакционный политический деятель, в 1869—1893 гг.— член рейхстага от консервативной партии. Яркий сторонник ограничения свободы промышленности и возвращения к цеховым ограничениям.—50.

³³ *Бернштейн Эдуард* (1850—1932) — немецкий социал-демократ, ревизионист, в 1881—1890 гг. редактор органа германской социал-демократической партии «Социал-демократ», после смерти Ф. Энгельса выступил с открытой ревизией марксизма в ряде статей и особенно в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899—1902), в дальнейшем — лидер крайне оппортунистического крыла германской социал-демократии и Второго Интернационала.—51.

³⁴ *Isegrim* (псевдоним Макса Шиппеля) (1859—1928) — немецкий социал-демократ, яркий ревизионист. В конце 90-х годов выступил с рядом работ, в которых, ревизуя взгляды Энгельса по военному вопросу, доказывал, что германский пролетариат якобы заинтересован в росте немецкого милитаризма. Впоследствии, будучи членом рейхстага, открыто защищал захватническую, агрессивную политику германского империализма.—52.

³⁵ «*Форвертс*» («Vorwärts» — «Вперед») — ежедневная газета, центральный орган германской социал-демократии с 1891 г. до 1933 г. В 1891—1900 гг. редактором ее был В. Либкнехт. В конце XIX — начале XX века, будучи официально марксистским органом, печатала одновременно и ревизионистские статьи.—53.

³⁶ *Мильтераи Александр* (1859—1943) — французский буржуазный политический деятель, в 90-х годах примыкал к социалистам, в 1899 г. вступил в реакционное правительство Вальдека-Руссо в качестве министра торговли — это был первый случай в истории международного рабочего движения, когда социалист вступил в реакционное буржуазное правительство. Впоследствии был исключен из социалистической партии, многократно занимал министерские посты, в 20-х годах был президентом Французской республики.—53.

³⁷ *Гед Жюль* (1845—1922) — французский социалист, один из основателей Французской рабочей партии и Французской социалистической партии, впоследствии представитель центристского течения во Втором Интернационале.—53.

³⁸ *Лафарг Поль* (1842—1911) — видный деятель французского и международного рабочего движения, один из основателей Французской рабочей партии, близкий друг и ученик К. Маркса

и Ф. Энгельса, автор многочисленных работ по истории, философии и т. д.—53.

³⁹ *Вайян Эдуард* (1840—1915) — французский социалист, видный деятель Парижской коммуны, член Генерального Совета Первого Интернационала, затем один из организаторов Французской социалистической партии, впоследствии занимал реформистскую позицию.—53.

⁴⁰ *Вальдек-Руссо Рене* (1846—1904) — французский реакционный государственный деятель, в 1899—1902 гг.—премьер-министр Французской республики.—53.

⁴¹ *Галиффе Гастон* (1830—1909) — французский генерал, палач Парижской коммуны 1871 г., в 1899—1902 гг.—военный министр.—53.

⁴² *Зингер Пауль* (1844—1911) — видный деятель германской социал-демократии, один из ближайших соратников Л. Бебеля и В. Либкнехта, с 1890 г. — председатель правления германской социал-демократической партии, в 1884—1911 гг.—депутат рейхстага, активно боролся против ревизионизма.—55.

⁴³ *Бebelь Август* (1840—1913) — один из основателей и виднейших деятелей германской социал-демократии и Второго Интернационала, друг К. Маркса и Ф. Энгельса, активно боролся с ревизионизмом, под конец жизни по ряду вопросов занимал центристскую позицию.—55.

⁴⁴ «Социал-демократ» («Der Sozialdemokrat») — еженедельная газета, центральный орган социал-демократической партии Германии, выходивший в период исключительного закона против социалистов — с сентября 1879 г. по сентябрь 1888 г. в Цюрихе и с октября 1888 г. по сентябрь 1890 г. в Лондоне.—57.

⁴⁵ *Каниц Ганс* (1841—1913) — немецкий консервативный политический деятель, крупный помещик, лидер аграриев. Выступал в защиту покровительственных пошлин на зерно и за монополизацию правительством внешней торговли зерном, называя это «социалистическим» мероприятием.—62.

⁴⁶ «Ахерон» — в греческой мифологии одна из рек преисподней, через которую должны были переплывать души умерших.—62.

⁴⁷ *Бухер Лотар* (1817—1892) — немецкий политический деятель; в период революции 1848 г.—радикал, затем эмигрант в Лондоне, журналист, по возвращении в Германию — ближайший сотрудник Бисмарка, в 1864—1886 гг.— тайный советник в министерстве иностранных дел. В 1865 г. с согласия Бисмарка пытался привлечь К. Маркса к сотрудничеству в правительственной газете «Прусский государственный вестник» («Preussischer Staatsanzeiger»).—62.

⁴⁸ «Государственный вестник» («Staatsanzeiger») полное название с 1851 по 1871 г.— «Königlicher Preussischer Staatsanzeiger» — официальный орган прусского правительства.—63.

⁴⁹ *Рихтер Евгений* (1838—1906) — немецкий буржуазный политический деятель и публицист, лидер прогрессистской партии.—67.

⁵⁰ *Раковиц* — валахский дворянин, в августе 1864 г. убил на дуэли Фердинанда Лассаля.—68.

⁵¹ *Исключительный закон против социалистов* — закон, принятый германским рейхстагом 21 октября 1878 г. по инициативе Бисмарка; запрещал какие бы то ни было организации и печатные издания, занимающиеся социалистической пропагандой. На основании этого закона была запрещена социал-демократическая партия, закрыты все рабочие организации и социал-демократические газеты, в ряде городов было объявлено «малое» осадное положение, многие видные деятели партии были арестованы или высланы из страны. Закон продолжал действовать до 1890 г.—69.

⁵² *Каторжный закон* — так называла социал-демократическая пресса внесенный на рассмотрение рейхстага летом 1899 г. правительственный законопроект, согласно которому все лица, призывающие к стачке, а также препятствующие штрейкбрехерам выходить на работу, должны были караться заключением в каторжную тюрьму. После длительного обсуждения большинство рейхстага отвергло законопроект.—73.

⁵³ *Штумм Карл* («король Штумм») (1836—1901) — немецкий промышленник и консервативный политический деятель, владелец крупнейших металлургических предприятий в Саарской области, являлся там наиболее влиятельной фигурой, почему и получил прозвище «король Штумм», неоднократно был депутатом рейхстага; один из основателей и руководителей реакционной немецкой имперской партии; ярый враг профсоюзного движения и социал-демократии, в то же время выступал как сторонник «социальной политики» и создания благотворительных учреждений для рабочих.—74.

⁵⁴ *Февральские указы Вильгельма II* — указы, изданные в начале февраля 1890 г. напуганным ростом рабочего движения Вильгельмом II, на имя рейхсканцлера и на имя министра общественных работ, в которых говорилось о необходимости улучшить положение рабочих — уменьшить рабочий день, разрешить представителям рабочих участвовать в переговорах с работодателями и органами правительства и т. д. Указы эти преследовали исключительно демагогические цели и выполнены не были.—75.

⁵⁵ *Вандервельде Эмиль* (1866—1938) — бельгийский социалист, впоследствии один из наиболее ярых оппортунистических лидеров Второго Интернационала.—77.

⁵⁶ «*Венская рабочая газета*» («Wiener Arbeiterzeitung») — ежедневная газета, центральный орган австрийской социал-демократии с 1889 г.—77.

⁵⁷ *Закон против партий, проповедующих переворот* (так называемый «Umsturzgesetz») — так называли правительственный законопроект, внесенный в рейхстаг в декабре 1894 г. и предусматривавший строгие наказания за агитацию против правительства, за распространение взглядов, направленных против религии и церкви. Большинство рейхстага проект был отклонен.—79.

⁵⁸ *Шульце-Делич Герман* (1808—1883) — немецкий буржуазный политический деятель, экономист и кооператор, автор многочисленных статей и брошюр, в которых выступал как представитель вульгарной политической экономии, доказывая «гармонию» интересов капиталистов и рабочих.—82.

⁵⁹ *Каприви Лео* (1831—1899) — немецкий реакционный военный и государственный деятель, канцлер Германской империи в 1890—1894 гг.—84.

⁶⁰ *Жорес Жан* (1859—1914) — видный деятель международного и французского социалистического движения, реформист, энергично выступал против колониальной экспансии, милитаризма и войны. В 90-х годах развивал идеи национализации государством отдельных капиталистических монополий.—86.

⁶¹ *Тельке Карл-Вильгельм* (1817—1898) — один из последователей Ф. Лассалья, был в 1865 г. председателем Всеобщего германского рабочего союза, впоследствии способствовал объединению лассальянцев с эйзенахцами на Готском съезде в 1875 г.—90.

⁶² *Шумахер Георг* — немецкий социал-демократ, оппортунист, в 1898 г. был исключен из партии за поддержку либералов на выборах в рейхстаг.—93.

⁶³ *Французская рабочая партия* — политическая партия французского рабочего класса, создана в 1879—1880 гг., организаторами ее были Ж. Гед и П. Лафарг. В 1882 г. раскололась на сторонников марксизма во главе с Ж. Гедом и реформистов (так называемые пошибилисты) во главе с Б. Малоном и П. Бруссом.—94.

⁶⁴ *Бриссон Анри* (1835—1912) — французский буржуазный политический деятель, радикал. В 1876—1912 гг.— член парламента, выступал за отделение церкви от государства.—98.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ, В ЧАСТНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЙХСТАГУ	13
<i>Предисловие к лондонскому изданию 1889 г.</i>	13
<i>Предисловие ко второму изданию</i>	18
Трагикомический эпилог	39
<i>Послесловие</i>	49
НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ, НИКАКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ!	51
НАУКИ И МУХИ	105
<i>Примечания</i>	111

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ
НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ
ВЫПУСК 31

Редактор Э. В. Струков
Автор предисловия и примечаний
Б. Тартаковский
Перевод сверен Т. Батищевой

Оформление художника И. К. Байтодорова
Технический редактор Ц. Л. Бейлина
Ответственные корректоры
Н. А. Андрианова и А. Л. Коробова

Сдано в набор 5 июня 1958 г. Подписано к печати
19 сентября 1958 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3³/₄.
Условн. печ. л. 6,15. Учетно-пед. л. 6,13.
Тираж 85 тыс. экз. А 07025. Заказ № 3720.
Цена 1 р. 50 к.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

*

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

1 p. 50 к.